

ДЕМ МИХАЙЛОВ

НИЗШИЙ-9

Дем Михайлов

Низший 9

Серия «Низший», книга 9

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58506834

Аннотация

Безымянный мир, где рождаешься уже взрослым и в долгах. Мир, где даже твои руки и ноги тебе не принадлежат, а являются собственностью бездушной системы. Безумно жестокий мир, где жизнь не стоит ни единого сола, где ты добровольно низший со стертой памятью, где за ошибки, долги и преступления тебя лишают конечности за конечностью, медленно превращая в беспомощного червя с человеческим лицом... Мир со стальными небом и землей, с узкими давящими стенами, складывающимися в бесконечный стальной лабиринт. Мир, где в торговых автоматах продают шизу и дубины, где за тобой охотятся кровожадные безголовые плуксы, а самая страшная участь – превратиться в откормленную свинью..

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	23
Глава третья	63
Глава четвертая	87
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Дем Михайлов

Низший 9

Глава первая

Он ждал нас внизу. И он был великолепен. И омерзителен одновременно. Тут смотря на что смотреть. Если на одежду – белоснежная рубаша с посеребренным кружевным пышным воротником, черные поблескивающие штаны, закинутые на стол начищенные до яркого блеска коричневые сапоги с частыми золотыми заклепками и большие солнцезащитные очки сдвинутые на бугристый лоб. Он великолепен как средневековый напыщенный дворцовый франт. Если глядеть на внешность... то это красный с черными вкраплениями кусок старого и недавно смоченного дерьма отрастивший себе руки и ноги, а к ним еще и заботливо расчесанную гриву черных волос ниспадающую на серебряный воротник.

Опустившись напротив, я, не скрывая интереса, внимательно оглядывал героя четвертого ранга Червеуса Магмуса. И ему это явно не понравилось, хотя, надо отдать должное – первые несколько минут он стоически терпел.

– Че пялишься, макака? – чуть скрипуче осведомился он, убирая сапоги со стола и подаваясь вперед.

– Оно еще и разговаривает – потрясенно моргнул я и уста-

вился на усевшуюся рядом Зеленоглазку – Охренеть у вас тут технологии продвинулись...

– Оди! – рыкнула девушка – Мы же договаривались, что ты ведешь себя тихо и спокойно! И да, Червеус похож на открытый, но еще не съеденный шоколадный батончик. Умерь восхищение.

– Шоколадный батончик? – удивился я – О чем ты? Я вижу перед собой вылезший из порванной жопы кусок говна в солнцезащитных очках.

Удар Червеуса я заблокировал двумя руками, одновременно ударяя ногами о пол, отчего отлетел назад вместе со стулом. Ножки проскрипели по полу и замерли, хмыкнув, я стер с губы кровь, поглядел на покрасневшую ладонь – удар Червеуса был так силен, что я сам себе врезал по лицу.

– Макака – презрительно прошипел Червеус – Ручонки целы? Жрать сможешь?

– Целы, целы – улыбнулся я, вставая и берясь за спинку стула – Но вот столовые приборы, я, макака тупая, умудрился потерять...

Моргнув, Червеус уставился стол, пытаясь понять, куда делись мои вилка с ножом.

– Твоя рука, Черв – тихо прыснула Зеленоглазка.

– Вот же дерьмо! – с чувством заявил герой четвертого ранга, глядя на свою правую руку, откуда торчали глубоко всаженные вилка и нож – Ах ты гребанная макака...

– А че ты не кричишь и не катаешься от боли? – с огор-

чением поинтересовался я и помахал прижавшемуся к стене трактирщику, явно ожидающего начала геройского побоища.

– У меня пониженная чувствительность нервных окончаний – вздохнул бугристый урод, осторожно вытаскивая раны между костяшками столовый нож – Сука...

– Ты почаще оглядывайся тогда – искренне посочувствовал я.

– Так! Хватит меряться глаголами, мальчики – вздохнула Теулра, что продолжала скрывать лицо за тонкой сетчатой полумаской – Черв... мы сюда не за этим пришли.

– Не за этим – согласился тот, со стуком опуская на стол чуть погнувшуюся вилку и поворачивая голову к робко подошедшему Бугнару – Ладно... трактирщик! Подавай на стол! И побольше мяса! Жареного! С румяной корочкой чтобы! А ты... Оди... не стоит больше называть меня куском дерьма.

– Шоколадка? – предположил я, с намеком глядя на посеребренный воротник – Развернутая...

– От мужика такое слышать не желаю! Червеус! Для друзей – Черв!

– Отлегло – с облегчением выдохнул я – Червеус... Червь. Ты похож на кусок обрезанного и запеченного в духовке дождевого червя.

– Да – кивнул герой четвертого ранга, поправляя воротник – Все так. Но не на дерьма кусок!

– Любишь мясо? – сменил я тему, пододвигая к себе по-

ставленное перед Червеусом блюдо с кусками слишком уж даже румяного и явно пережаренного мяса – И любишь хруст мясных волокон на зубах?

– Обожаю мясо – прокрипел Червеус и медленно сжал правый кулак, выдавливая из ран густую кровь – Я сука до безумия обожаю мясо... жареное мясо с восхитительной хрусткой корочкой... можно даже без приправ... просто сыпануть чутка соли... ну и для запаха немного черного перца...

– Так все в точности и приготовлено – робко вякнул трактирщик, подносящий следующее блюдо.

– Так чего не жрешь, если все как надо приготовлено? – без особого интереса спросил я, забирая у сидящей рядом Теулры вилку с ножом и перекладывая себе на тарелку кусок мяса потолще.

– А он не может – снова прыснула Зеленоглазка.

– Теулра! – взревел Червеус – Нашла над чем смеяться!

– Он ест только растительную пищу – отдышавшись, пояснила Теулра – Другой его организм не принимает категорически.

– После изменения так?

– Ага – мотнул бугристой башкой сидящий напротив меня мускулистый червь и с отвращением всадил вилку в листья зеленого салата – После изменения. Я не жалеюсь. Обрел больше, чем потерял. Гораздо больше.

– Вижу – кивнул я, глядя на его правый кулак.

Поймав мой взгляд, Червеус с некоторым трудом растянул тонкие и почти незаметные губы в широкой усмешке, подхватил со стола салфетку и протер правую руку.

Ран не было.

Лишь едва различимые следы на чуть более светлой коже – там, где ее пару минут назад пробили нож и вилка. И столовые приборы я вбил глубоко.

– Регенерация великолепна – вздохнул Червеус, довольный произведенным эффектом и выражением нескрываемой зависти на моем лице.

– И на ней список не кончается – добавила Теулра, с сомнением теребя сетчатую полумаску и глядя на обалденно пахнущую и еще шкворчащую яичницу – Дама из высшего общества колеблется... вот сука и дерьмо... так хочется плюхнуть хлебный мякиш в этот подсоленный и поперченный желток...

– Все так и приготовлено, леди! – обрадованно вякнул трактирщик, ставя на стол запотевшие кувшины – Кушайте!

– Дерьмо – повторила Теулра, резко сдергивая с лица полумаску.

– Боишься какой-то пандемии? – чавкая, спросил я – Или булимии? На лицо ты такая уж и страшная...

Червеус зашелся в приступе смеха, едва не сменя на пол ненавистный ему салат. Теулра, одарив меня злобным взглядом, решительно расчленила яичницу и впечатала в нее духовитый ржаной мякиш.

– Высший сука этикет! – пояснила она перед тем, как забить рот вкуснятиной и блаженно зажмуриться.

– Этикет – повторил скривившийся Червеус, возвращаясь к унылому ковырянию салата и изо всех сил втягивая ноздрями воздух, напитывая себе исходящим от блюда с мяса ароматом – Странный этикет, где истинные леди всегда скрываю свои несомненно прекрасные лики за полумасками или же на худой конец вуалями... Если такую трахнешь в темном уголке ночного розария и она будет пусть голой, но в полумаске – так никто и не осудит столь милого и непосредственного поведения двух обуюнных страстью... а вот если она без вуали, а ты просто коснулся ее мизинчика...

– То она дешевая шлюха – заявила Теулра, облизывая губ желток – Ключевое слово – дешевая.

– А вам не похер на их мнение? – спросил я, наливая себе компота.

– Никому не похер, если однажды действительно хочешь попасть в Заповедные Земли.

– Я тут что-то слышал про Аллурдос...

– Аллуордос Делурдос. Бессмертная Жертва. Не спрашивай на каком это языке – понятия не имею. Знаю только как правильно произносится и какой имеет смысл. Хотя тут есть двоякое толкование – многие считают, что правильным переводом будет «Во имя бессмертия». И что эти слова взяты из языка Высших – в свою очередь составленных из всех известных языков мира.

– Мы тут все на одном языке балакаем.

– Ага. Теперь – да – согласилась Теулра и брезгливо отодвинула от себя сложную фруктово-ягодную смесь залитую тягучим подозрительно розовым киселем – Водочки плесни чуток. Той, что с клюковкой.

– Ща – кивнул я, тянясь за графином – Где-то там в прериях бродит целое стадо миносов и фавнов называющих себя Аллурда Лурда или как-то похоже.

– Эти слова постоянно искажаются – махнул лапой Червеус и, наклонившись над блюдом, сделал жадный вдох наркомана, после чего злобно захрустел капусткой – А миносы... проблема с тем стадом все зреет и зреет... а здешние герои все ждут и ждут взмаха алой тряпки.

– Это как?

– Ты в курсе про ограничения?

– Ограничения чего?

– Кого – поправила меня Теулра и глянула на Черва – Ты ведь про героев?

– Ага. Я про сраных героев выше третьего ранга. Ты принял верное решение, Оди, когда решил чуток задержаться и не торопиться в Кронтаун. Да я бы и не дал тебе войти и пересечь черту.

– Если бы смог своему здоровью позволить столько дырок – пожал я плечами.

– Мне нравится твоя дерзость, малыш – осклабился Червеус – Очень нравится. Вижу, что хотя бы процентов пять

из рассказней о тебе не просто пустая болтовня. Не пойми неправильно – я не из тех, кто создает сложности стремящимся хоть к чему-то новикам. Я сам пришел сюда в рваных штанах и серой от грязи майке, таща на плече единственную ценную вещь – Киллраду. Я пришел сюда один. И встретил на своем пути немало ублюдков, что сделали все, чтобы я либо ушел, теряя в статусе, либо сдох. Но я выжил. Я преуспел.

– И убил всех своих прежних недоброжелателей, не забыв даже про самых мелких – хмыкнула девушка.

– Убил – подтвердил Червеус – К чему придерживать-ся такой дешевки как переоцененное всепрощение? В жопу прощение! Мечь! Воткнул старому обидчику ржавый кол в печень – и сразу полегчало... Поэтому я убивал их медленно и только когда был в очень плохом настроении. Смекаешь? Это как конфетки мятные – сладкие и охлаждающие. Выдавил из хрипящего ублюдка душонку – и сразу полегчало, настроение пошло вверх... Остальные перепуганные конфетки пока можно не трогать, пусть себе ждут своего часа. И знаешь... я заметил, что мне перестали портить настроение... Наоборот! Все прямо-таки старались, чтобы я всегда был в приподнятом воодушевляющем настрое...

– Может еще покажешь мне мемуары о своих поседелых яйцах? Что там насчет алой тряпки и черты?

– Я предупреждала о его характере – фыркнула Зеленоглазка, в широкой усмешке показывая милые ямочки на щеках и крохотные сверкающие камни на нескольких зубах.

– Долбанная черта... граница невозврата... – проворчал разумный червь в дорогой рубашке – Она на дороге. Одну из похожих вы должны были видеть на границе зоны Кронтауна.

– Которая про ответственность?

– Она самая. Вторая черта находится на дороге где-то посреди Хэло. Если за нее зайдет кто-то обладающий статусом героя не ниже второго... Мать перестанет выдавать ему задания за пределами зоны Кронтауна. А здешняя зона хоть и очень велика, но все одно... это ограничение. Жесткое ограничение. Можно, конечно, потерять в статусе, спустившись в ранге до единицы... но тогда тебя в наказание выпнут за пределы зоны и назад ты не вернешься пока не поднимаешься до второго ранга и пока не пройдет шесть месяцев. Такова вира за отказ от задания или его провал.

– Никто из героев Кронтауна не получает задания вне зоны Кронтауна?

– Ты понял правильно.

– А если я выполнил сегодняшнее задание? Мне ведь можно прогуляться куда хочу?

– Конечно. Но два раза в сутки Мать проверяет твое местонахождение и статус выданных заданий. Если даже ты и твой сквад выполнили ее поручение, но в момент выдачи следующего находитесь не в зоне Кронтауна...

– Наказывать не за что – заметил я – Предыдущие задание выполнено. А вы ведь не рабы системы.

– Рабы системы... как круто сказано... Мы герои системы – а это хуже. Мать всему ведет учет. Ты в курсе этого?

– Ага.

– Здесь примерно такая же система. Каждое выполненное задание идет крохотным плюсом и помогает расти в ранге. Вот ты второго ранга.

– Верно.

– Чтобы стать героем третьего ранга, тебе предстоит выполнить не меньше сотни заданий. Подряд! Без провалов!

– Как рутинно...

– Аж до хруста зубовного – согласился Червеус – Аж до бешенства. Но какой другой вариант? Да никакого. Разве что подвиг совершить. Суть ты уловил?

– Уловил. Сотня выполненных подряд рядовых заданий от системы позволит подняться в ранге на единицу.

– Верно. Героев тут полным-полно, поэтому очень редко дают больше одного задания в день.

– Сто дней на повышения ранга на единицу? – я болезненно поморщился – Дерьмово звучит...

– Оптимист! – фыркнула Теулра – Гоблин! Хрен там! Кто бы тебе дал – грязножопому новичку – ломануть победную серию из ста заданий! Помешают суки!

– Сделают все, чтобы помешать – согласился Червеус.

– Это как?

– Ну, предположим, дадут тебе и твоему скваду задание убить зашедшую в зону Кронтауна группу призм или зве-

ролюдов – с негативными преступными статусами. Ты весело отправляешься на их перехват, а когда прибываешь усталый – видишь довольно улыбающуюся Теулру, что уже успела грохнуть ушлепков и радостно вертит жопой в предвкушении того, как ты начнешь хныкать и убиваться... Смекаешь?

– Система засчитает задание проваленным?

– Нет. Иначе было бы понижение статуса и изгнание. Мать посчитает задание невыполненным по... скажем... почти уважительной причине. Так что штрафа жесткого не будет, но успешную череду заданий это прервет. И начинай все снова. А теперь представь, что ты уже выполнил девяносто девять заданий и это сотое должно было дать следующий геройский ранг...

– Хм...

– Поэтому есть негласное правило не валить встречных тварей без реально веской причины – эти твари могут быть уже поручены Матерью кому-то другому. Сам того не желая навредишь кому-то и заработаешь его лютую перманентную ненависть, а с ней и кровавую месть. Себе дороже срать на чужие одуванчики. Эта поговорка не врет.

– Странные у вас тут поговорки. Но душевные.

– Здесь – в Кронтауне – всем правят интриги. Тут сложные политические игрища, гоблин. Тут хрен получится пройти к цели кровавым буром – увязнешь в липком дерьме и захлебнешься.

– Ты долго меня пугать будешь своей мерзкой улыбкой?

– Мы в этом бульоне давно варимся – Червеус не обратил на мои слова ни малейшего внимания и с сожалением отодвинул от себя переставшее издавать такой сильный аромат остывшее мясо – Мы тут каждую важную жопу знаем не только на запах, но и на вкус. Мы с Теулрой давно работаем в тандеме. Пусть она одиночка, а я во главе сквада, нам все равно неплохо работается вместе.

– Иногда – произнесла Зеленоглазка.

– Иногда – согласился Червеус.

– И не во всем.

– Не во всем.

– И прямо вот никак не могут герои Кронтауна покидать его зону надолго? – с интересом спросил я, снова в упор пялясь на Теулру.

– Почему же? – мило улыбнулась она – Отпуск никто не отменял. Раз в полгода героям от третьего ранга дается три свободных дня. Героям четвертого ранга – неделя.

– А героям пятого ранга?

– Шутишь? Их постоянные труды заканчиваются. Героев такого уровня Мать на абы какое задание не пошлет, и они почти все время проводят в тренировках и ожидании Алого Сигнала.

– У меня голова болеть начинает – сообщил я – Опять.

– Преодолей боль и продолжай запоминать – посоветовала Зеленоглазка.

– Причем здесь я? Причем здесь черта на дороге в Хэло?
И что вам от меня надо, герои четвертого ранга?

– Да погоди ты! – прочавкала Теулра, ведя себя как положено вечно голодному герою и впихивая в себя как можно больше калорий без малейшего стеснения и без попыток никчемной ложной скромности – Мы тебя еще не до конца запугали.

– Чем? Мордой Червеуса?

– А хотя бы! – осклабился тот, показав в усмешке мало-подходящие травоядному существу зубы – Бойся морды моей, гоблин! Кстати... что там про тунцов траханных? Ходит молва, ходит, ежатся испуганно все призмы-амфибия, жопы не то что в океан, а даже в ванну окунать боятся. Вдруг трахнут... да еще и везти потом кого-то через моря и океаны... М?

– Мы других путей не знаем – усмехнулся я в ответ и демонстративно покосился на Зеленоглазку – Но надеемся узнать.

С огромным трудом проглотив кусок мяса, Зеленоглазка сипло выдохнула:

– Может быть. Трактирщик! К черту компот! Вина! Красного! Такого чтобы от терпкости аж сводило все!

– Есть такое! Сведет не только губы! – расцвел в улыбке забытый Бугнар и тут же осекся, напоровшись на холодный взгляд Теулры – К-хм... сейчас принесу, леди...

– Чем пугать собираетесь? – повторил я вопрос.

– А все тем же, гоблин – без нас тебя тут быстро сожрут. Погоди! Да, знаю, чем ты сейчас парируешь – самым очевидным и пафосным вроде любимого агрессивным быдлом ответа типа «попробуют» или «подавятся», «войду в рот – выйду с мечом через жопу» ну или верх из всего мной слуханного «высрут – и воспряну». Хер там! Они попробуют! И не подавятся – сожрут! И не воспрянешь! Нет! А они обязательно сделают все, чтобы угробить тебя и всех кто за тобой хромает! По очень простой причине – чем больше героев четвертого ранга, тем меньше шанс получить реально крутое задание. Чем меньше крутых заданий выполняешь – тем меньше и без того мизерных шансов перейти на высший пятый ранг. А без пятого ранга Аллуордос Делурдос не получить! Стало быть – бессмертным не стать, к Заповедным Землям и к самим Высшим – не приблизиться! Ну и для чего они тут годами корячились? А к тебе, гоблин – Червеус подался вперед, наваливаясь на стол и пятная рубаху салатом – К тебе, гоблин у них особые счета.

– Да я тут и дня еще не пробыл.

– Именно. Если остальных новичков зоны Кронтауна никто не замечает первые месяцы, а порой даже годы, то ты... ты же у нас сраная восходящая звезда. На полмира уже знаменит! Гоблин Оди! Трахнул тунцов – и приплыл! Трахнул Зомбилэнд – и получил считай уникальную награду «Синий свет»! За двое суток – два геройских ранга! И вот ты в Кронтауне – не запылелся, не задержался... и что теперь? Трах-

нешь здешнюю королеву красоты и на ее холеной пояснице поскачешь в Земли Завета? И нет, не смотри на Теулру выпятив челюсть – она у нас дурнушка по здешним-то меркам.

– Че ты вякнул, дерьма кусок? Салата переел и тебе в голову дало? – в столешницу вонзился нож.

Я не обратил на это внимания, задумчиво пиля пережаренный кусок мяса. Поставив на стол вино, трактирщик робко осведомился:

– Не обуглить ли еще свининки? Для запашку...

– Обугли! – отреагировал Червеус.

– Хватит мясо поганить – глянул я на него.

– Вот именно! – поддержала меня Теулра – Брюквояд! Репосос! Чтоб тебе однажды пришлось клубничку рассосать!

– Эй! Такого даже врагам желать нельзя!

– Получишь отпуск геройский – и жри! Впадай опять в кому!

– Да уж жду не дождусь – вдруг разом сдулся и посмурнел Червеус, безглаголиво отодвигая от себя салат и с тоской глядя на жареное мясо – Да уж сука жду не дождусь. Задолбался я жевать листья, сосать корешки и робко глотать по одной фасолинке.

– А во время отпуска? – с искренним удивлением спросил я – Организм типа перестраивается?

– Хрен там у меня что перестраивается. Но жру! Килограммами!

– В первый день отпуска он закидывается убойной дозой

каких-то ферментов, получает пару уколов, а затем сжирает несколько кило жирнющего мяса и впадает в летаргический сон – пояснила Теулра – А мне его сука охранять... другим он не доверяет. И, само собой, в кому он впадает, успев снять с себя все и рухнув в ванну с проточной теплой водой. Вот там он и лежит дня два, гадя под себя жидким и пенным. Да еще и лапает себя, где не попадая, поглаживает с блаженной улыбкой и подергивает... короче – мрак! Придя в себя, снова жрет – уже поменьше, но килограмма три котлет куриных всасывает. И снова отруб – опять дня на два. Потом, видно на закуску, полкило чего-нить мясного и постного – тялятинка там... и легкая кома на сутки. Вот и кончился отпуск...

– Райская неделя – горько вздохнул Червеус – А какие сны мне видятся...

– Да знаю я твои сны... любитель собственного тела.

– Поговорим о твоей скромной мастурбации? Или вернемся к теме моего испуга? Хотя суть я уловил... От вас мне прикрытие и пояснения на первое время. А от меня за это требуется какая-то помощь в одном деле...

– Точно!

– И вы, как я понял, думаете, что я здесь задержусь надолго. И потому так высоко оценили свои услуги.

– В смысле?

– Торчать здесь сто дней? – развел я руками – На кой хер?

– Это минимум! И то – если все пройдет радужно! А такого не бывает. Но в целом... месяца за четыре с нашей по-

МОЩЬЮ ТЫ...

– Неинтересно – покачал я головой.

– Обалдел, Оди? – уставилась на меня Зеленоглазка.

– Мне это неинтересно – повторил я – Я не собираюсь торчать в Кронтауне и его окрестностях несколько месяцев. Мне нужно туда – приподняв нож, я ткнул им в окно, за которым виднелась противоположная «модная» сторона огромной чаши – Мне нужно в Земли Завета. Желательно – завтра.

– Ты конченный псих! – убежденно заявил Червеус – Теулра! Мы теряем время с этим наивным островным недоумком! Без обид, Оди. Ты псих, а такие мне нравятся. Но хоть немного надо же осознавать гребаную реальность!

– Ты торопишься, Оди – добавила Теулра.

– Но – продолжил я, выдержав небольшую паузу – Мне все равно интересно услышать про ту хрень, что вы хотели попросить меня разгрести. И если меня это реально заинтересует... это далеко?

– В зоне Кронтауна.

– Убивать надо?

– Ну без этого никак...

– Уже неплохо звучит. Что за задания выдает система новичкам вроде нас?

– Ты не перешел черту в Хэло. Задания будут рутинными – патруль, патруль, патруль и снова патруль дорог. Многие, кстати, из тех, кто хочет жить в подобных местах, намеренно «зависают» в зоне Кронтауна, но не переходят вторую черту.

На жизнь хватает.

– Но в учет статистики для повышения ранга...

– Само собой не идет. Мать строга.

– Система изуродована – не согласился я – Но речь о другом. Одно задание в день на сквад, верно?

– Как всегда. Бывают и дополнительные, причем необязательные.

– Уже хорошо.

– Но у вас в запасе трое полных суток с момента входа в зону Кронтауна. Как бы акклиматизация...

– Ага... тогда рассказывайте. Только факты. Вываливайте вообще все что вам известно и что от меня хотите. Если меня это заинтересует или я посчитаю это полезным для себя или сквада и соглашусь – то уже что-нибудь да потребую. А если выполню – будете мне должны. Сильно должны.

– Даже я? – Теулра мягко навалилась на мое плечо грудью.

– Даже ты – кивнул я, вонзая вилку в очередной кусок мяса – И должок я востребую. Можешь не сомневаться.

– А глаза такие недобрые – с восхищением произнес Червеус и, потеревив себя за подбородок, резко кивнул – А хрен с ним! Оно того стоит! Но чур на жопу мою не покушаться, гоблин! Ну ты понял – в меру, все в меру... Я же не Теулра, чтобы повизгивать на всю таверну...

– Ах ты сука! Дерьма кусок!

– Уродина!

– К делу – прервал я их дружеские комплименты – И за-

кажите еще компота...

Глава вторая

– Гребаная кобыла! – взмахнув ручищами, взревевший орк слетел с блестящей лошадиной спины и рухнул на траву. Извернувшись, умудрился приземлиться достаточно мягко, вскинул башку и... поперхнувшись, рявкнул – Не кобыла! Его-то нахрена выковали?! Да еще такой здоровенный!

– А чтобы было! – заметила Джоранн, поглаживая гнедого – и живого – жеребца по шее – Не завидуй!

В седле рыжая держалась абсолютно свободно – будто в нем и рождена была. Нагибаясь, срывал цветы с высоких трав, дотягивалась горлышком фляжки до сбегающих с камней кристально чистых ручьев.

Я... я ощущал себя более чем комфортно, покачиваясь в удобном кожаном седле, закрепленном на стальном крупе копытного робота. Поэтому и предпочел именно робота – и орку такого же посоветовал. Спокойней, все предсказуемо и ровно. Все лучше, чем сидеть на спине впечатлительного животного. Но вот что-то у Рэка не ладилось с его стальным жеребцом. Орк падал второй раз.

– Лучше бы не под брюхо эту хреновину стальную пихали, а на холку налепили! Чтобы прямо под руку! – продолжал кипятиться Рэк, поднимаясь и спеша за флегматично ступающим стальным скакуном, легкодвигающимся по достаточно крутому склону.

– Хрен на холку? Под руку? – изумилась ушастая сероволосая девка, округлив в непонимании пухлые губки – Для какой военной цели, сержант Рэк? К тому же он железный... не чувствует...

– Дура! Не как хрен! А как рукоять! Держаться чтобы. Держаться!

– А-а-а-а... я так и подумала...

– Держаться за лошадиный хрен? – невинно распахнула глаза Джоранн – Какой ты фантазийный...

– Пошла нахер! Командир! Можно я своим ходом?

– Поднимай жопу на коня и сиди гордо – не оборачиваясь, велел я – Отряд! Держаться подальше от края. Лучше быть укушенным, чем рухнуть с обрыва и расплескать башку о камень.

Мы двигались вдоль глубокого ущелья по узкой петляющей тропе. Красота вокруг необыкновенная. Ручьи, травы, цветы, скалистые стены увиты диким виноградом, змеи так и кишат. Они тут на каждом шагу. Как и мыши, которых то и дело выплевывают из щелей сами скалы – причем явно принудительно. Мыши вылетают вместе с водным потоком и, жалобно попискивая, поспешно расползаются кто куда, чтобы рано или поздно погибнуть в этом месте с переизбытком ползучих гадин.

Десять всадников. Три живых коня средней жизненной потрепанности и семь потертых стальных. Все десять послушны и спокойны – разве что неживой жеребец Рэка ни-

как не мог подружиться со своим всадником, вяло проявляя остатки былой мощи и странные выверты программного кода. Но такому плохому всаднику как орку и этого хватало, чтобы вылететь из седла. Но смеяться над ним не рисковал никто кроме ехидной Джоранн, чей жеребец тащил за собой зевающий хитиновый кокон с начавшим вылупляться Хваном.

– Я ужа раздавил, командир – заметил гулко Хван – Это норм? Природа не в обиде?

– Норм – за меня ответил Рэк – Это даже херня. А вот то, что раздавленную змею что-то из твоей задницы подхватило и внутрь затащило с утробным тихим рыком... вот это меня чуток напрягло. И природу тоже...

– Да ладно?! Шутишь?!

– Не шутит – покачал я головой, задумчиво глядя на треснутый кокон.

– Милый... поглощай белки спокойно – промурлыкала Джоранн – Любой частью своего могучего крепкого тела.

Сerpентарное Рваноземье.

Красиво назвали. Метко. Теперь бы не сдохнуть в этом захолустье, что в пятнадцати километрах от облюбованного нами трактира Веселая Халупа. А сдохнуть тут прямо легко. Но не от ядовитых укусов, на этот случай в избытке имелись antidоты как для нас, так и для живых лошадок. Нет. Тут можно легко сдохнуть, сорвавшись в ущелье или получив по башке валуном с нависающего над нами бока покрытой зе-

ленью горы.

Но я не жаловался – сам ведь согласился принять участие в этой пахнущей безумием авантюре.

Мы неспешно направлялись в земли обетованные.

Мы двигались напрямик в рай.

В те самые райские кущи или как-то еще называют места, где можно вкусить все из вкушаемого и тебе не только за это ничего не будет, но еще и улыбнутся ласково, а может и поощрительно, с таким нежным и незамысловатым посылом в глазах: «Давай, гаденыш, продолжай срать, продолжай...». А потом бац – и ты вылетаешь кубарем за золотые ворота с огрызком не слишком то и сладкого фрукта в зубах.

Опять лезет в усталую голову разный бред. Даже не бред, а обрывки бреда. Обрывки чего-то смешанного, частью вспомненного благодаря наркоте, частью додуманного, частью придуманного. Но именно такие у меня ассоциации не со словом «рай», а с неким теоретическим местом, обозначенным кем-то как «рай».

А именно так наш пункт назначения и был обозначен на старой рукописной карте расстеленной поверх седла. Место, куда мы направлялись, называлось «Рай Обетованный». Охренеть просто...

Сначала, когда Теулра, то и дело прижимаясь ко мне прикрытой лишь тонкой тканью грудью, то и дело испуская насмешливые хрипловатые смешки, вливала в себя самогон и компот – так и знал, что геройская знать ворует рецепты бух-

ла у быдловатых гоблинов. Добавил вишенку – и вот тебе аристократический коктейль, а не быдло-пойло... Да... Когда прижимающаяся Теулра Зеленоглазка вдруг упомянула пункт назначения как Рай, я рассмеялся. К тому времени к столу подсело несколько моих ветеранов плюс тигры, так что засмеялся не только один. Но, ничуть не смутившись, Теулра просто достала карту – я так и не понял откуда – и расстелила между тарелками, придавив края стаканами. И да – на карте нашлось название Рай Обетованный, выглядящий как большая зеленая чернильная клякса упавшая на серо-черную доску.

Скалы, скалы, бесплодные земли, снова скалы, беспорядочные нагромождения ущелий, горы, дюн и вообще всего, что может у природы выглядеть мрачным, неприветливым и не способным прокормить даже парочку тощих гоблинов. И прямо посреди этого «великолепия» расположена зеленая клякса Рая. Убедившись, что мы поверили, Теулра начала рассказывать, а Червеус ей помогал, хотя то и дело плотоядно косился на перевязанную Тиграллу, бесстрашно игнорируя зло порывающегося Тигра.

Все как в древней потрепанной книге – в Рай попасть очень нелегко, а некоторым туда путь и вовсе заказан. Когда Теулра в самом начале рассказа заикнулась про некую небесную божью силу, я поморщился и велел выдавать исключительно факты и ничего кроме. Никаких небылиц.

Подумав, Зеленоглазка пожала плечами и, машинально

свивая и развивая вилку, что мялась в ее руках как пластилин, заговорила фактами.

Рай Обетованный – официальное название особых территорий выданных системой в полное владение на веки вечные или же до тех пор пока стоит и живет этой мир. Кому выдано? Некой общине. Фанатично религиозной многочисленной общине, что не признает технологий после определенного уровня. Конная повозка или ручная тележка – это хорошо. Небесные силы не гневаются. Самоходная повозка будь она на бензиновом двигателе или электрическом – грех! Конная косилка или плуг – отлично! Моторное устройство для вспашки поля... разбить и сжечь эту дрянь немедленно!

Само собой, солиднейший кусок земли был выдан не бесплатно. Это вам не крохотный островок сыроедам подарить или иному немногочисленному музейному этносу.

Земли были проданы. За невероятную сумму, если верить обрывкам информации, что просочилась уже довольно давно из Земель Завета. Община согласилась заплатить затребованную сумму беспрекословно, но при этом потребовала для себя особых условий. Когда был получен отказ, община, мило улыбаясь, предложила сумму втрое больше. Снова отказ. В пять раз больше. И на этот раз ответ был утвердителен.

За уплаченную дикую сумму община получала в свое полное пользование огромный кусок земли, а также ей гарантировалось полное отсутствие какого-то бы ни было внешнего контроля.

Никаких летающих дронов.

Никаких полусфер наблюдения.

В жопу торговые автоматы!

В сраку стальных лошадей! Хотя тут не очень у них вышло...

Никаких самодвижущихся повозок, электрических проводов, бесовских средств связи, новейших химических препаратов, книжек больше, чем с одной черно-белой картинкой и секса ради удовольствия. На костер всех иначе думающих ублюдков!

Список требований был столь велик, что полностью его не знает никто.

Но суть проста – это закрытая территория, что отделена от всех других земель кольцом необжитой местности. Зверье и змеи живут. А разумные – нет.

Вся эта территория – Рай – окружена стальным частотным, снабженным прекрасно вооруженными полусферами наблюдения. Вокруг кольца – снаружи его, само собой – патрулируют летающие дроны.

Посетители не приветствуются категорически. Если попытаешься пройти – система тебя остановит. Обязательно остановит.

Община, известная как Аммушиты, очень миролюбива и при этом до безумия жестка. Своих воспитывает ежовыми стальными рукавицами сбрызнутыми серной кислотой, а пришлых там не бывает.

Посетить Рай Обетованный можно лишь два раза в год. Это право было выторговано системой – или Высшими – в незапамятные времена и мотивировано это было как редкий, но вынужденно необходимый контроль, ведь кто знает, чем там в изоляции занимается большая группа глубоко верующих людей. Вдруг им вчера в головы пришла светлая мысль, что все остальные жители сего мира – дерьмо гребаное? И начали они дружно отжиматься и делать выпады двузубыми вилами, намереваясь вскоре пойти войной на весь прочий мир... Опять же возможна эпидемия – вдруг распространится? Изначально пытались сделать визиты чаще, но аммнушиты воспротивились. Итого – два раз в год по их землям может проехать группа из семи конных всадников. Никакой колесной техники. Даже обычных конных повозок нельзя. Потому что чужое и бесовское, нехер землю благословенную своими грязными колесами чертить. Копыта еще ладно – за частоколом бежит широкий и неглубокий закольцованный Серебряный ручей, чьи воды очистят приезжих грешников. Да. Купаться надо. И себя и лошадей отдраить хорошенько, после чего можно двигаться дальше. Почему нельзя и повозки к примеру вымыть? А кто его знает – кротко улыбающиеся аммнушиты не планировали просвещать недоумков. С ними никто особо не спорил – сумма ими уплаченная действительно была запредельно дикой, счет вроде как шел на миллиарды, а еще они передали вообще все из имеющегося, оставив только свои священные реликвии. И ведь, по сути,

взамен они ничего не потребовали – ни постоянной медицинской помощи, ни защиты, ни еды. Просили лишь обеспечить их плодородными землями и лесом. Что и получили.

Кто бы отказался от столь щедрого предложения?

Я тебе – все! А ты – просто не лезь.

И вот не лезли.

Одна проблема – вот уже как год ни одна из групп, посланных на регулярный контроль, оттуда не вернулась.

Тут и всплыли мы – гоблины из жопы мира и приставшее к ним по пути всякое зубастое, когтистое и безумное.

Дело в том, что к аммнушитам не могут зайти те, кто их понятиям грешники почернелые. Таковыми они считают всех, кто поднялся в статусе героя выше второго ранга. Почему? Потому что герои убивают. Мочат всех налево-направо. Цветочки собирая и коалам жопы нежно массируя героем не стать. Чтобы подняться в статусе от доброса ты должен убивать, убивать и снова убивать. По им лишь понятным причинам аммнушиты считали, что те, кто ни разу не поднимался выше второго ранга еще не настолько прокляты и пропитаны грехом, чтобы одним лишь своим присутствием отравить их обетованные светлые земли. Откуда им знать биографию героев? Ответ прост – система знает. Аммнушитами и проверять ничего не надо, они знают, что система не пропустит к ним «диаволов» в зверином аль человеческом обличье.

Кто собирает досмотровую группу из пяти всадников?

Эта задача не считает ключевой. Но все же считается важ-

ной. Поэтому ее решение доверяют лишь героям четвертого ранга и не ниже.

Уже два героя четвертого ранга получали за последний год задание от системы составить досмотровую группу, что на двое суток «нырнет» в Рай, а затем вернется с докладом. Оба героя облажались и отхватили по полной, разом надолго лишившись шанса на восхождение до высшего ранга.

Следующим, кого система назначила ответственным – причем через месяц после последнего фиаско – оказался Червеус Магмус. И вот, когда он пригорюнившись, жевал мелкорубленную травку, зло поглядывая по сторонам, ведь ясно, что такую дерьмовую подставу именно ему подбросили не просто так, какая-то ведь гнида посоветовала именно Черва... к нему вдруг подсела зеленоглазая спасительница. И сказала она ему – не печалься, ушлепок, есть еще шанс спасти твой сраный ранг и ради этого счастья быть может даже не придется делать ничего слишком влажного и пахучего. Червеус воспрял и слушал дальше очень внимательно...

Так в этой истории оказался вылезший из жопы мира и пересекший океан на траханных тунцах гоблин Оди, успел уже устроить нехилый такой переполох в Зомбилэнде и зажег легендарный синий ночник.

Моя биография и проверенные потом факты так впечатлили Червеуса, что он решил попытать счастья с таким отморозком как я. А вдруг?

Условия задания просты.

Сопровождение возможно только до охранного кольца – до границы земель аммнушитов.

Внутри могут зайти только семеро со статусом героев не выше второго.

Система должна доверять этим славным героям или хотя бы их лидеру – были случаи, когда назначенные системой ответственные личности выбирали членов будущего отряда, а система отвергала их кандидатов без каких-либо объяснений.

Через двое суток максимум – сорок восемь часов, отсчет с момента входа – герои должны вернуться обратно.

В пути они должны коснуться нескольких «контрольных» камней-сенсоров, что не позволяют системе наблюдать за землями, но при этом дадут ей понять, что вошедший отряд действительно что-то делает, а не просто загорает за соседними елками. Аммнушиты считают это неким ритуалом для чужаков и те камни давно уже вроде как окружены постройками защищающими от скверны, рядом курятся благовония. Ага. Прикрыли зловонный туалет дверью и пшикнули цветочным спреем.

Никаких греховных сношений. Да. Вот так. Никакого траха между героями. Ни-ни. Нельзя. Грех великий.

Само собой, выражение полного уважения драгоценным традициям аммнушитов. Среди них – а мне перечислили десяток пунктов минимум – значит запрет даже на частичное обнажение «женских прелестей», а мужчины долж-

ны выглядеть как мужчины. Последнее требование меня немного озадачило, но я решил не заморачиваться.

Оружие. Да, понятно, что опасностей много, но при этом пусть оружие будет не слишком греховным. Потому – только переломные дробовики, револьверы и однозарядные винтовки. Никакого автоматического оружия. Никаких игстрелов категорически. Никаких хреновин бесовских гребаных вроде прилипших под левой сиськой аптечек. Вообще ничего электронного и автоматического. Единственная поблажка, которую смогла выбить система – стальные скакуны. Своих аммушиты давать грязным гостям не собирались, а живые лошади пусть и имеются, но все же не всегда и все такое... короче – можно, если очень осторожно. Но оставлять их за околицей населенных пунктов и все такое. И придать этим тварям по возможности живой вид. Может потому хрен стальной и приклепали роботу?

Если через двое суток семеро контролеров, причем в полном составе, не вышли оттуда с докладом, того, кто послал их туда, ждет жесткий штраф – падение в статусе сразу на два ранга. Состав вышедшего отряда может быть и не совсем уж живым – если вдруг кто умер или погиб, достаточно вынести его тело или же жизненно важную часть подошедшего организма. Короче – если выйду я один, таща за собой гирлянду голов соратников, система примет это за успех.

Вот так...

Смелая семерка.

Дотошная семерка.

Великолепная семерка контролеров.

Выслушав до этого момента, я согласился.

Сам толком не знаю почему. Но согласился, почувствовав, что это действительно что-то интересное. Едва я дал и подтвердил свое согласие, Червеус спросил у меня список имен тех, кто пойдет со мной. Я дал. И похожий не дерьма засохшего кусок герой тут же отправил их системе, представив как свой доверенный отряд контролеров. Ответ пришел мгновенно – принято. Быть у границы не позднее чем через шесть часов. Вот я и отдохнул...

Прежде чем слушать дальше, я потребовал аванс, что включал в себя бесплатное проживание всего моего отряда в Веселой ...Пе на следующую неделю полностью, включая пропитание, стирку и прочее. Так же я потребовал запас определенных боеприпасов и оружейных запчастей. Ну и пакетик любимых горьких леденцов тоже потребовать не забыл – мои запасы подходят к концу.

Когда я получил обещание, что все будет доставлено в течение часа, продолжил слушать сказки уродливого червя, боящегося потерять так много из-за чьей-то подляны.

А послушать было что.

Система проявляет к аммнушитам огромное уважение по довольно странной причине – она не считает их одними из тех, кто способствовал гибели старого мира. Грубо говоря – их кармическое сальдо положительно. Что такое сальдо?

Червеус пожал плечами – а хрен его знает, просто словечко нравится. Но, как бы то ни было, сказать можно по-разному, хотя суть останется прежней – аммнушиты, что, как и все прочие гоблины, обосновались в этом новом мире лишь с целью выжить – мало того, что до этого жили почти идеально по меркам Высших и системы, так еще и щедро заплатили за свое пребывание здесь.

Это как бы если в сдаваемые апартаменты въезжал мало того, что богатый, но еще и с безупречнейшей «зеленой» репутацией жилец, да еще и платящий на века вперед.

Поэтому у аммнушитов есть право не только жить, но и как-то влиять на будущее этого мира.

Это как?

А хрен его знает, снова улыбнулся Червеус. Просто система выдаст небольшой плоский стальной контейнер с какими-то бумажками. Открыть этот контейнер может очень ограниченный круг аммнушитов. Их называют элдерами. По возможности каждый из элдеров должен открыть контейнер, прочесть содержимое и черкнуть галочку в пункте, который он считает наиболее верным. Если невозможно доставить контейнер всем – тогда хотя бы одному. Это минимум. Задание в задание. И чем больше элдеров выскажет свое мнение, тем больше бонусов выдаст щедрая система, что очень любит, когда все происходит по максимуму идеально.

Что в контейнере?

Бумажки. С картинками, графиками и текстом.

В чем суть?

Неизвестно. Аммушиты не разглашают, бумаги просматривают в отдалении, решение принимают быстро. Что удалось углядеть под косым углом – то угляделось и слухами распространилось среди геройского сословия.

Но в чем может быть решение касательного будущего мира?

Да хрен его знает! Может там просто какой-нибудь сранный опрос вроде «а не заменить ли нам умирающие дубовые посадки тисовыми или все же опять посадим дуб? Аль все же замахнемся на крамольное и везде натыкаем камфору?».

Ладно...

Ладно... тут как раз подросла служба доставки, принесшая подарки.

Кивнув, я разложил перед собой весь вытребованный для себя лично «аванс» и принялся разбирать револьвер. Мои бойцы, увидев затеянное командиром, шустро сбегали за личными пушками и занялись тем же самым. С нескрываемым одобрением поглазев на наши действия, Червеус открыл пасть и начал было цедить скупую похвалу, но наткнулся на мой насмешливый взгляд, обиженно заткнулся, горько поглазев в окно и неожиданно признался – если мы не облажеемся, то это немало что изменит в политической картине Кронтауна. Он сможет продвинуться чуть выше, ухватиться за пару важных рычагов, сдвинуть несколько пыльных шестеренок, заткнуть десяток ядовитых ртов и может даже вы-

колоть пяток наглых глаз. Многие получают многое. Многие потеряют очень многое. Потеряют так много, что снова захотят ощутить на себе дар амноса.

Стоп.

Дар амноса?

Верно. Дар амноса.

А чуток подробней можно, червь?

А вилку в горло тебе не воткнуть, обезьяна? К-хм... Картина это!

Тут уже в дело вступила порозовевшая от выпитого и съеденного Теулра, что явно пребывала в самом наилучшем расположении духа и то и дело напоминала Червеусу, что теперь они уже не просто друзья. Теперь он перед ней в большом долгу. На что тот отвечал, что задание даже не начато, так что рано мурлыкать, кошка драная. Зеленоглазка, прекратив фыркать на героя, пояснила.

В Хэло, пригороде Кронтауна, в одном из самых темных, узких переулков, есть большая картина, что нарисована прямо на кирпичной стене. Нарисована мастерски. Нарисована так, что без эмоций на нее смотреть не получится. Не сохранишь бесстрастность как бы не старался.

Что изображено?

Люди. Люди с раздутыми прыщами вместо голов. С прыщами украшенными лицами. На тонких перенапряженных шеях качаются огромные мерзкие красные пузыри с белыми наверхушками из гноя, с гнойными же потеками через ис-

каженные болью и страданиями лица... Держась за эти прыщи руками, поддерживая неимоверную тяжесть кожаных резервуаров полных гноя и грязи, люди появляются из красноватого страшного сумрака, ступают на тонкую тропу и по ней, по становящейся все светлее и прямой дорожке, шагают к золотистому светящемуся облаку впереди. Внутри облака с трудом различимы тонкие нежные руки, что тянутся к приближающимся бедолагам с гнойниками вместо голов. Несчастные, торопясь, толкая, пиная, переступая через себе подобных, пробиваются к золотистому облаку. Каждый пробивается по-своему – кто-то с криком указывает на украшенные жирными звездами погоны, кто-то тычет кому-то под нос золотую визитку, кто-то сквозь боль лъстиво улыбается, одновременно ставя подножку. Очень многие смотрят не вперед, а назад – вглядываясь с тревогой, испугом и сожалением в густой багровый сумрак, который как будто рвется вперед, стремясь поглотить не только тропу и людей-прыщей, но и само золотистое свечение... Так или иначе, все несчастные шагают по тропе и входят в светящееся золотом облако...

Это первая – левая – половина картины.

А правая... из золотисто-белого марева выходят счастливые люди с гротескно суженными и слишком маленькими головами. Никакого гноя, никакой болезненной красноты раздутых прыщей. Обычные аккуратно причесанные головы с абсолютно счастливыми и одновременно спокойными лица-

ми. Уже никто не толкается, не бежит, не орет, все идут спокойно, поддерживая друг друга под руки и улыбаясь. Что сразу бросается в глаза – никто из них не оглядывается. Никто. Все они смотрят только вперед – где в сером спокойном сумраке виден ослепительно белый арочный проем с падающим внутрь солнечным лучом...

Под картиной надпись «Великий дар амноса».

Вот в принципе и все. Из мелких деталей – у всех шагающих к золотистому облаку детей стерты лица. А на тропе, что уже ведет из облака прочь, детей нет вовсе.

Картина эта охраняется круглосуточно. Более того – она прикрыта огромным прозрачным листом крепчайшего пластика, снабжена стальным козырьком с подсветкой. Минимум трое крепких героев постоянно дежурят у картины, неся ответственность за ее сохранность. Были попытки некоторых придурков уничтожить полотно неизвестного художника. Такие вот новости из мира искусства. И вот что такое дар амноса.

Ясно...

Так что там еще про общину аммнушитов?

Да в принципе больше ничего.

Отправляйтесь гоблины в страну обетованную, особо там ничего не пачкайте, не сношайтесь, суки и кобели похотливые, сапогами не бухайте. Пробежитесь по камешкам контрольным, покажите старперам-элдерам бумажки, дождетесь, когда эти морщинистые недоумки поставят галочки,

оглядитесь... и на выход! На все про все у вас сорок восемь часов с момента входа на территорию Рая Обетованного.

Что ж – вполне приемлемые условия.

И вполне приемлемая награда – и я не про то, что в случае успеха миссии мне крупно задолжает Червеус сраный Магмус. Это мелочи. Но вот система... система получит еще один весомый довод в пользу того, что вылезшему из жопы миру гоблину Оди – со столь же грязными и вонючими соратниками – вполне можно доверять. Что это даст? Что-то да даст. Тут не угадать, но в одном я уверен – чем хороша машинная логика, так это своим постоянством. Недавно это подтвердилось, когда Червеус за секунду получил утвердительный ответ от системы о составе нашего отряда. Никаких размышлений. Никаких проверок каждого из членов отряда. Стоило глазам умной машины узреть имя «Эрыкван-Оди» – она тут же врубила зеленый свет.

И я хочу, чтобы так было и дальше.

Чтобы как-то загоралось в качестве кандидата имя гоблина Оди – система тут же радостно давала добро.

Отряд...

Я потащил с собой почти всех, оставив лишнее барахло под присмотром Рокса, что начал копать в раскуроченной взрывом заднице экзоскелета Гиппо. В присмотре ему помогали наши раненые и те, кого в принципе уже подлатали, но чье здоровье я оценил как хреновое.

Из Веселой Халупы выдвинулся большой смешанный от-

ряд численностью двадцать пять бодрых и хорошо вооруженных рыл. Мы добрались до пятачка безопасности, расположенного в конце тропы, что упиралась в Серпентарное Рваноземье. Три исцарапанных торгмата, чуть покосившийся навес, один газовый костерок, что зажегся далеко не сразу и долго фыркал, выплевывая воздух. Здесь мы оставили лишних – включая Каппу и Тигрицу. Они должны были приглядывать за окрестностями до нашего возвращения, держа при себе запас боеприпасов, оружие, свежие аптечки и прочие любимые прелести цивилизации. В их обязанности входит контроль окрестностей, уничтожение любых подозрительных ушлепков по моему любимому принципу чучудо-залп. Чуть чудится – стреляй в башку картечью! Иначе тут не выжить – особенно относительным новичкам. Каппа и Тигрица опытные, но их на все не хватит. А я хочу быть уверен в том, что по возвращению – а мы можем возвращаться на последнем издыхании – нас встретит помощь, а не вражеская пальба. Еще я приказал проводить как минимум две полевые тренировки в сутки и как минимум одна должна быть ночная. Если вдруг долбанет дождь – сразу начинать внеочередную тренировку. Бойцы должны уметь действовать в любой ситуации, в любое время суток, при любой погоде. И действовать должны умело, уничтожая врагов, а не самих себя. И я не забыл обговорить с Каппой дымовые сигналы. Первобытный век. Но порой это самый надежный способ послать сигнал бедствия или срочного призыва – попро-

буй скрой поднимающийся к небу толстенный серый столб дыма. Каппа принял судьбу гордо и внешне равнодушно – как и подобает воину. Но я все же посоветовал ему присмотреться к правилам их интересной игры затрагивающей камни, ножи и соски – не слишком ли часто Каппа проигрывает хитрожопому орку в тех случаях, когда на кону что-то интересное и важное? Каппа глубоко задумался, стоя у наконец-то ровно загоревшегося газового костерка и поглаживая ладонью рукоять меча.

Дальше по узкой тропе, что вскоре поднялась изгибами вверх и побежала вдоль края глубокого ущелья, мы двинулись всемером.

Я. Тигр. Рэк. Джоранн. Волочащийся Хван. Стейк. И Котлета. Одна из лошадей тащила на себе пару увесистых выюков с едой, водой, боеприпасами, одеялами и всякой мелочовкой. Да и наши лошади были чуток загружены кое-чем помимо всадников. На территории аммнушитов я не собирался пить или жрать ничего из местного, равно как и лечиться их припарками. Я не собирался спать в их домах и на предложенных ими условиях.

В течении года бесследно пропали несколько боевых групп. Было бы наивно думать, что в тех группах были одни неумелые недомерки, что споткнулись об один и тот же камень, хлопнулись башками о жопы друг дружки и подошли разом от вони и сотрясения. Нет. Надо брать за отчет, что один за другим тут погибли не абы как, а с учетом возмож-

ной опасности составленные из семерых бывалых вояк отряды. Тогда как мне уже все уши прожужжали сказочками про то, что тут бродят бородатые миролюбивые овечки, ненавидящие насилие. Ну да... ну да...

Стальной частокол оказался низким и куда более надежным. Это вообще не частокол. Тут две параллельные линии сетчатых заборов высотой в три с небольшим метра. Поверх витки колючей проволоки. Между заборами решетчатые загоны, из которых, подобно уродливым грибам, растут столбы с полусферами. Одна из них «ударила» по нам лазерными лучами едва наши потные хари поднялись по склону змеиного ущелья. Лазерные лучи скользнули, изучили и, мигнув, пропали.

Проход разрешен.

Как буднично и мило...

С легким скрежетом и скрипом перед нами распахнулись первые створки ворот, сметя нижними краями палую листву и мелкий мусор с бетонной площадки. Я въехал в ворота первым, равнодушно углубляясь в сетчатый тамбур и не обращая внимания на лежащий метрах в десяти разлагающийся труп, над которым усердно трудились крупные кролики, умело отрывающие свисающие волокна рваного мяса и жадно проглатывающие. Блеснув на нас красными бусинками глаз, ушастые тихони вернулись к трапезе. Ворота медленно закрылись, оставляя нас в клетке с хищниками. Но

ненадолго. Вторые створки открылись с еще большим скрипом.

Дорога открыта.

Проход разрешен.

Добро пожаловать в Рай Обетованный.

Как выглядел рай?

Тухло. Вот как он выглядел.

Более скучной местности я не видел нигде в этом мире – с тех самых пор как разлепил вспухшие глаза на острове сыроедов. Там было хоть что-то.

Здесь же...

Вот вроде бы все и было, но одна проблема – тут все на корню было переделано кем-то упорным, основательным и никуда не торопящимся.

Отъехав от стены всего ничего, мы оказались на берегу мелкой речушки. Купаться я никому не позволил – да никто и не рвался жопу мочить в райской водице. Поэтому копыта намочили только лошади и даже Хвана я приказал перетаскать уложив поперек стального лошадиного крупа. Я сомневался, что в воде есть что-то гиблое, но нахрена рисковать? Если на территории потенциального врага тебе предлагают руки омыть – плюнь в харю его и вотри плевок подошвой ботинка поглубже.

Форсировав невеликую водную преграду, мы вошли в рассеченный просекой лес и, петляя между молодым разросшимся кустарником и юными деревцами, продвинулись еще

метров на двести, после чего случился резкий переход, и мы... оказались в парке.

Сначала я и не заметил – какие-то пару секунд продолжал блаженно наслаждаться теньком – а потом сообразил, что здесь все деревья без исключения растут строгими рядами. Причем здесь смешанный хвойно-лиственный лес. Несколько линий – сосны, пара линий – елки, еще пару линий – что-то лиственное, крепкоствольное, дальше опять лиственное, но уже другое. Мы будто двигались между армейскими порядками – пехота, артиллерия, разведка, саперные войска...

Остановившись, я впервые спрыгнул с лошади, райская земля ударила в подошвы ботинок. Пройдясь, зачерпнув перчаткой листву, я переглянулся с Джоранн и там понимающе кивнула:

– Это не лес. Резервные лесопосадки.

– Резервные?

– Запасник. Живой склад древесины на любой жизненный случай. Посадка слоистая, уверена, что многие похожие виды деревьев разнесены максимально далеко друг от друга на случай вредителей или какой болезни. Учítывая, что аммушиты все строят сами и презируют продвинутые технологии – жалкие придурки! – у них должна быть постоянная нужда в древесине.

– Сделано грамотно?

– Более чем – подтвердила рыжая, с высоты седла, оглядывая бескрайние старые посадки – Здесь была проведена

титаническая работа.

– Вижу – кивнул и я, снова взбираясь на бесстрастного робота – Двинулись.

Раньше здесь был лес – такой же, что остался за нашими спинами. Но впоследствии дикий лес был вырублен и выкорчеван, все было утащено, после чего начались земляные работы, если судить по рельефу – слишком уж он тут ровненький, прямо идеальный, будто сначала срыли холмы, засыпали овраги и только затем принялись за посадку саженцев.

Джоранн полностью права – здесь проведена поистине титаническая работа.

И это был задел на далекое-далеко будущее. Аммушиты собирались жить на этих землях вечно и загодя обеспокоились нуждами потомков.

Продвигаться по лесопосадкам было легко, но до блевоты скучно. Тянутся и тянутся шелестящие кронами деревья, из всех препятствие – редкие отломленные непогодой сушня. Зверья всего ничего – и я их понимаю. Попробуй жить в таком тошнотворном месте. Хотя мы заметили нескольких волков, увидели и лисицу, слышали копошение мелких тварей в листве, валяжно прошел вдалеке черный медведь. Повстречались нам и змеи – три ползучие крупные гадины. Джоранн умело направила своего жеребца так, чтобы волокащийся следом зевающий Хван протащился по чешуйчатым телам – и Хван своего гастрономического шанса не упустил, ухватив придавленное мясо уж не знаю какой частью

тела и в какое именно отверстие запихнув.

Апофеозом скучности стала аккуратная табличка-стрелка с надписью «Скромный и славный город Благочестивая Гавань».

– Охренеть – процедил я, проезжая мимо.

– В тихой гавани заразные шлюхи водятся – поддержал меня Рэк.

– Акулы – поправила его Джоранн.

– Сочный на трах на заросшем лавандой заднем дворе – вздохнула Котлета, бойкая и разбитная бабенка средних лет, с трудом привыкающая к тяжести снаряжения и злым командирам.

– Да? – оживился Рэк, осторожно поворачиваясь к ней и стараясь не упасть со стального злобного коня – Давай подробности, боец. Лаванда жопу колола?

– Так... – добавил я к своему прежнему комментарию и спешился второй раз.

Сойдя с едва заметной тропки, бегущей посреди просеки, я присел и развел в стороны колючие ветви, что почти скрыли от меня кое-что интересное.

На земле, скрючившись, закрывая живот ладонями, лежалдохлый гоблин. Средней длины светлые волосы, замершие в мертвом удивлении синие глаза, четко очерченные скулы и углы подбородка. Покрывающие лицо ссадины, царапины и кровь не могли скрыть того гоблин на удивление юн.

– Тигр...

– Ему лет четырнадцать! Плюс-минус год...

– Я не про это. Возьми Котлету и Стейка. Пробежитесь вокруг. Радиус – триста-четыре шагов вокруг нас. Ищите его след. И след тех, кто его преследовал.

– Тех?

Я убрал уже лишившиеся заостренности руки пацана от живота, показывая торчащие из его живота два глубоко ушедших арбалетных болта. Один болт был окрашен красным, другой желтым. Это именно краска, что-то вроде метки. И вряд ли разноцветными болтами стрелял один и тот же стрелок. Хотя... выдернув болты один за другим, я сравнил наконечники. Одинаковые – плоские, зазубренные. Такие хорошо пойдут против ничем не защищенной мягкой плоти, а против брони... отскочат, не нанеся вреда. У поймавшего животом два таких болта гоблина не было ни малейшего шанса. Еще удивительно, что он добежал досюда – а он бежал, о чем говорят проломленные заросли шагах в семи дальше. Он убегал.

– Я понял – повел плечами зверолод Тир – Но может я один? Они меня притормозят...

– Не нарывайся и не показывайся – после краткого раздумья кивнул я и Тигр исчез, моментально затерявшись среди деревьев.

Перевалив труп на спину, я разглядел его внимательней. Белая домотканая рубаша с воротником на шнурках, просторные рукава, никаких вышивок или еще чего. Гру-

бые черные штаны заправлены в кожаные невысокие сапоги. Штаны снабжены помочами. В полушаге лежит пропитанная кровью скомканная тряпка. Рыжая развернула ее, и мы обнаружили жилет. Из его карманов высыпалось несколько разноцветных камушков и бусин. Это все. Ни мешка. Ни сумки. Ни оружия – даже ножика складного не обнаружилось.

– Что за дерьмо лесное? – буркнул я, стоя над трупом в недоумении – Кто бродит по лесу без ничего?

– Может он полудурок? – предположила Котлета.

– Или обронил все на бегу – возразила Джоранн.

Повернувшись, я направил стволы дробовика на деревья... и опустил. Показавшийся из-за деревьев Тигр поманил нас лапой, другую прижимая к пасти и показывая – «Тс-с-с-с, гоблины!». Еще парой жестов он повторил призыв всем заткнуться, заодно показал, что лошадей с собой тащить не надо – как и Хвана.

– Посторожи лошадей, гнида – глухо велел я, переступая через беспомощного призма закованного в кокон.

– А?

– И чтобы ни царапины на жопе моего коняги! – велел Рэк, тоже – без нужды – наступая на призма, чтобы миновать его – Я проверю!

– Стейк, Котлета – останьтесь с Хваном – не оборачиваясь, приказал я.

– Да, командир!

Следуя за Тигром – и я уступал ему в ловкости передвиже-

ния по лесистой местности – мы преодолели совсем небольшое расстояние и уперлись в небольшой холм, поросший соснами, выглядящий здесь так же чужеродно, как если бы стоял посреди пшеничного поля. Почему местность вокруг стесали до состояния ровной столешницы, а холм оставили? Но сейчас интересно не это. Тигр жестами показал, что в прошлый раз он холм обошел и остановился вон под той огромной надломленной сосновой лапой. А сам он хочет забраться повыше... Миг подумав, я кивнул, поняв, что ничего реально угрожающего и внезапного под той ветвью нам угрожать не может, а разведчик просто хочет занять позицию поудобней, что вполне нормально для их племени.

Едва я дошел до сосны, до конца тем самым завершив огибание холма, до моего слуха донесся громкий укоризненный голос, срывающийся на крик, но затем возвращающийся к сиплой усталой хриплости. Вот почему мы не слышали голосов – их более чем надежно блокировали сосны и холм. Вот почему и они нас не слышали и вот почему не особо таился Тигр, решивший ничего не объяснять. А что тут объяснять? И так все ясно.

Холм был почти подковообразным. Этакая дуга с высокой вершиной и понижающимися краями. Хорошая защита от непогоды. Крохотная лачуга из темных бревен. Крыша свежая, крыта деревянными пластинами навроде черепицы. Трава вокруг скошена и сброшена в стожок, который задумчиво пожевывает десяток оседланных лошадей. Дверь в ла-

чугу распахнута. Перед лачугой еще одна куча – на этот раз мясная. Для полной гармонии с лошадиным стожком не хватает крупных хищников, что деловито бы рвали и глотали мертвое мясо.

– Вашу мать! – выдохнула вцепившаяся мне в запястье Джоранн.

Поворотом кисти высвободив руку, я кивнул и тихо согласился:

– Неожиданно.

Подростки. По сути, еще дети. Вот из чего... вот из кого состояла мясная куча. Стащенные сюда лошадьми мертвые тела так и бросили в кучу вместе с веревками, не распутав им связанных рук и ног. Торчат из ран разноцветные арбалетные болты – желтый, красный, зеленый. Безбородые мертвые лица, многие из которых так и не poznали первого бритья. Та же самая одежда – черные жилетки и штаны, белые рубахи, сапоги. Это на пацанах. На девчатах синие длинные платья, из-под подолов торчат ноги в чулках и крепких башмаках, на головах платки. Вашу мать... тут самому младшему, что как раз смотрит на меня единственным уцелевшим глазом – вместо второго торчит болт – не больше тринадцати лет. Это максимум. На меня таращатся глаза жестоко убитого ребенка.

А судя по уже услышанным словам – детей не просто убили. Этих подростков сначала отпустили, а потом загнали в лесу как дичь, перестреляли и на веревках стащили сюда к

этой лачуге, где и сбросили в кучу. Сами же охотнички присели отдохнуть на чурбачках, поместив рядом луки, арбалеты и топоры.

Чуть в стороне от кучи трупов валялись одинаковые светлые заплечные мешки кое-где попятные кровью и принявшие на себя несколько выстрелов.

Всего пятнадцать взрослых – и уже даже седоватых – охотничьих рыл. Одеты они примерно так же как и жертвы, разве что на некоторых полотняные длинные плащи, что наверняка неплохо защищают от дождя, другие прикрыли рубахи куртками из того же материала.

Из лачуги раздался тонкий девичий испуганный вскрик, следом послышался звук тупого удара. Еще через минуту из темного проема показался седенький дедушка довольно крепкого телосложения, тащащий за руку мертвое нагое тело. Я ничуть не удивился, увидев подрагивающие женские груди – хотя сначала заметил пробитый топором лоб и закатившиеся глаза. В той куче трупов было еще несколько обнаженных. И все они были девушками.

– Грешница толстосисая – грустно вздохнул дедушка, вбивая окровавленный топор в один из чурбаков – Хаунс, подсобика.

– Грешная и сладкая – вставая, вздохнул мужичок со светлой редкой бородкой – Потому дважды я согрешил... не удержался от соблазна...

– Замолишь.

– Замолю... ой замолю...

Вместе они умело подхватили труп за руки и ноги, забросили на кучу и отошли. Тело девчонки – ей лет пятнадцать – перевернулось и сползло с вершины кучи, навалившись грудью на лицо другого ребенка.

– Все ерзают! – с нескрываемым раздражением прокричал дедок и, покосившись на того, кто толкал речь до его появления, поощрил – Ты говори, говори. Правильные ведь слова говоришь. Истинные. Добрые. Наставляющие. Просветляющие.

– Все так, дядюшка Якоб, все так. Благодарю, что заметили. Поощрение от элдера Благочестивой Гавани – великая честь!

– Продолжай, Теодор. Продолжай просветлять.

Склонив почтительно голову, Теодор – ему лет сорок, поседевшие у висков волосы аккуратно острижены, борода тоже поседелая, верхняя губа, как и у всех прочих охотников, выбрита.

– К чему грешить? Ради чего? – развел руками Теодор, после чего театрально схватился за голову – Вы хоть задумались, чада грешные? Куда стремились? Я отвечу! – в ад! Прямиком в мерзкое адилище рвались! А что в том адилище? Знаю и на это ответ – там смерть! Там свободный похабный секс! Там нет надежды на рай! Ну и? Вот вы познали то же самое здесь – на нашей благословенной земле. Познали вы смерть, секс и потеряли надежду. Нравится?

Почти висящая с вскинутыми руками троица подростков промолчала, решив не отдирать залитые кровью подбородки от груди. Два пацана. Одна девчонка. В ее ноге торчит арбалетный болт. Еще года два-три – и могла бы стать настоящей красоткой. Ниспадающие на грудь распущенные волосы прикрывают девичьи прелести и разбитое лицо.

– Вот все друзья ваши, коих подбили вы на румшпринге на отказ от жизни чистой... вот они лежат! Истерзанные! Кто виноват в сем? Вы! Из-за вас погибла поросль молодая да славная! Из-за вас!

– Мы просто хотели уйти... просто уйти! По нашему древнему праву – никого не держат силой! – тихо, но яростно просипел крайний слева темноволосый паренек, не выдержав и вскинув все же голову.

– Замолкни!

– Вы изнасиловали их! Изнасиловали!

– Они грешницы...

Повернув голову к сидящим рядом бойцам, я пробормотал:

– Как начну – валите чурбачных. Элдера не трогать.

Дождавшись кивка, я начал вставать.

– Они просто хотели уйти! – надрывался паренек, с ненавистью глядя на обидчиков – Они выбрали свободу! И вы сами проводили нас в путь к иной жизни! Сами собрали нам припасы! А затем догнали и...

– Обман. Не спорю. Обман как есть. Так и там так – улыб-

нулся ласково Теодор – Пусть утроба моя взвояет, если там иначе...

– Там хуже, мудила – буркнул я, делая большой шаг из-за сосны и вскидывая дробовик, что убил уже столько тупорылых ушлепков, что пора придумывать ему хлесткое имя – Утроба? Ну пусть утроба...

Выстрел картечью почти в упор буквально сложил Теодора. Всплеснув руками, он отлетел назад. Следующим выстрелом я раскурочил башку загонщику схватившемуся за арбалет. Последовавшая стрельба не оставила шанса никому из любителей грешной сладости. Двоим, правда, удалось избежать серьезных ранений, и они бросились бежать, но сверху на них обрушился Тигр, подмяв под себя и принявшись махать когтистыми лапами.

– Ц-ц-ц-ц... – покачал я головой, направляя револьвер в пространство между элдером и Хаунсом – Так насколько сладко было?

– Я... – выдохнул Хаунс и, утробно хрюкнув, схватился за простреленную промежность, завалившись и забившись в хвое.

– Сраного доброго дня тебе, гребаный дядюшка Якоб – широко улыбнулся я элдеру Благочестивой Гавани – Мы тебе тут бумажки принесли. Поправки там какие-то по мировому укладу. Галочки надо проставить...

– Это... – старик был хитер и умен. Он очень пытался как-то вывернуться. В его седой голове метались миллионы мыс-

лей. Он пытался отыскать тропинку ведущую к жизни... и тем самым сразу стал для меня скучен. Это сопротивление не окажет...

Но как?

Какой верой можно объяснить такое?

– Галочки проставить – повторил я, кладя ему руку на плечо и заставляя вернуть жопу на чурбачок – Ты проставь, где хочешь и мы продолжим разговор...

– А если я не хочу?

– Что не хочешь? – удивился я, глядя во вскинутые глаза старика.

– Галочки ставить... в поправках...

– Куда ты сука денешься – ласково улыбнулся я и прострелил ему раковину левого уха, не став приближать ствол слишком уж близко к его башке – Куда ты сука денешься...

Когда затихли вскрики – все до единого – и над холмом и лачугой повисла тишина, я, припечатав дергающегося старика ботинком, наступив ему прямо на остатки уха, с испугом уточнил:

– Мы щас не слишком устои вашей веры попираем? Не грешим ли, не ведая...

– Да мы до святости их позорно не дотягиваем, лид! – скривил горестно рожу орк и перерезал глотку одному из недобитков – Они вон чего творят со вкусом... а мы?

Джоранн рванулась вперед.

– Вы убивали детей, твари!

От удара рыжей Теодор захрипел и на пару секунд отключился. А когда очухался, то обнаружил, что его оседлала настоящая красотка, коленями придавившая его руки к земле. А очнулся любитель грешных дел оттого, что в его порванные пулей яйца воткнулся нож, что тут же вынырнул и... пробороздил глубоко щеку от виска до подбородка. Это был первый штрих – примерочный. Затем Джоранн взялась за кромсание его лица всерьез. Я не мешал, продолжая придавливать голову элдера ботинком к хвое и с интересом наблюдая за настоящей Джоранн, чьи лицо было искажено яростью и наслаждением одновременно.

– Я скажу все и сделаю все что надо... – голос элдера прозвучал из-под подошвы моего ботинка с отстраненностью какого-то божества. Голос стал безразличным. Голос стал уверенным. Старик сделал выбор.

– Только убейте быстро... не так...

– Тебя бы дубиной трахнуть перед смертью – прошипел я с нескрываемой ненавистью – А потом эту же дубину забить в глотку! Но ты ведь достопочтимый элдер добрых пацифистов аммнушитов... разве есть на тебе грех? Ну убили вы стадо молодежи... перед смертью поистязав и трахнув их... но разве ж это грех?

– Грех! Великий грех! Но!

– Тут сука есть еще какое-то «но»? – злобно выкрикнула Джоранн, вонзая и вонзая лезвие в остатки лица хрипящего Теодора.

Бросив взгляд на Тигра, я коротко очертил круг и понятливый зверолоуд отправился на пробежку – проверить одинокими ли мы в этой местности или сюда уже скачут в опор еще несколько аммушитов желающих чего-нить сладкое ...

– Куда бы они пошли?! – старик под моей ногой дернул головой. Я с интересом убрал подошву, глянув на него как на таракана – Куда бы пошли?! Вы – живое доказательство той мерзости смрадной, что обитает в большом мире! Ты безумная рыжая тварь заживо сдираешь лицо с живого человека! Вы начали убивать нас без малейшего сомнения! За что?! За то что мы решили спасти души сбившихся с пути агнцев? А мы спасли их души! Они ушли незапятнанными. Они ушли мучениками! И пред ними откроются золотые врата рая!

– Как завернул – восхитился я – Долго проговаривал в голове?

– Но это истина! Вы хуже нас! Вы пришли сюда и тут же начали убивать! Поглядите! – рука старца указала на валяющихся охотников – Каждый из них был отцом! Каждый! И у каждого было по двое-трое детей – воспитанных правильно! Их дети возделывают поля, собирают урожай, ухаживают за садами, заботятся о скоте! Денно и ночью! Мы трудимся! Мы думаем о будущем наших детей! Но что будет, если мы однажды отпустим этих – рука на этот раз указала на троицу под деревом – Они уйдут, напитаются жестокостью и грехом, а затем вернутся сюда – по праву рождения! И начнут сеять скверну, смущая умы невинной молодежи! Да лучше

мы растерзаем их подобно голодным зверям и разбросаем их останки по дебрям, чем позднее они, будучи отпущенными, приведут к нам за руку самого Сатану! Мы жертвуем малым ради большого! Слухи о их смерти – пусть не совсем истинные – быстро расползутся по нашим землям и смирят умы остальных юнцов! Вернут их на истинный путь! Так в чем я неправ, жестокий чужак?!

– Галочки проставь – буркнул я, бросая перед стариком плоский стальной контейнер – Стейк! Котлета! Отвяжите пленников. Отведите их в сторону. Перевяжите. Уколите чем-нибудь.

– Есть, командир!

– Выполняем!

– Так главный супостат – это ты – бледно усмехнулся дя-дюшка Якоб – Посланный железным богом в наши благословенные земли...

– По поводу твоих речей...

– Где я ошибся? Нигде!

– Везде – усмехнулся я – Если трое смутьянов мутят чистую воду... не жди последствий, а сразу вышвырни их за стальную ограду в большой мир. И намекни, что, если однажды вернуться вздумают... ну ты понял. Вот только ты будто специально ждал, старик...

– Чего? Гнева божьего?!

– Нет. Ты ждал, чтобы в их группе прибавилось больше девчат. Юное мясо, что так тебе по вкусу. Как ты там про-

кряхтел, вытаскивая мертвого подростка из халупы? Толстосисая грешница? Видать заранее приметил ее, да? Давно слюни на девчонку пускал? И вот оно... момент вонзить гнилые зубы в сладкую конфетку...

По одному быстрому и тут же ушедшему вниз взгляду стало ясно – я не ошибся.

– Я закончил! – элдер показал мне мельком бумаги с жирными галочками и, будто подчиняясь старому инстинкту, тут же забросил их обратно в контейнер, захлопнул крышку и с надеждой заглянул мне в глаза – Поговорим? Я укажу тебе зерно истины в моих словах и ошибки в твоих...

Забрав контейнер, я вырвал с чурбака топор и швырнул его под ноги темноволосому парнишке и буднично спросил:

– Справишься? Или даже на это не хватит тебя?

– Сдюжу! – крепкие руки парня сграбастали топор, и он решительно шагнул вперед.

– Окстись! – взвыл элдер – Я держал тебя на руках на третий день после твоего рож... А-А-А-А!

Когда убивает неумелый и ненавидящий... он вкладывает все силы в каждый скошенный удар, зачастую снимая пласты кожи и мяса, но не задевая внутренних органов и важных артерий. Удар за ударом, удар за ударом... старый элдер затих где-то после девятого. Стоя над его трупом, тяжело дыша, мертвой хваткой держа заляпанный топор, парень глянул на меня волком:

– Вы пойдете за остальными элдерами? Если да – то я с

вами!

– Для начала – пойдём-ка побеседуем о жизни вашей безмятежной – широко улыбнулся я, безбоязненно поворачиваясь к нему спиной – Я гоблин Оди. Ты?

– Я Стеард!

Глава третья

Сначала все было хорошо. Потом все стало просто отлично.

Стеард, как и все остальные из рожденных здесь – в Раю Обетованном – назубок знали историю своего народа.

Их предки первопоселенцы, вместе с детьми, скarbом и кое-каким скотом, прибыли сюда одновременно с доставкой всего прочего – собственной земли, леса, холмов и даже рек.

О таком грешно даже думать, но все было как в книге, описывающей сотворение мира. Это там, где на первый день отделился свет от тьмы, на второй появилась луна и звезды... или как-то так – точнее они не знали, так как старейшины не выпускали эти книги из рук, не давали никому читать и даже не называли названия. Зато сами они изучали эти книги постоянно и регулярно зачитывали отрывки из них на молитвенных собраниях.

Но он отвлекся...

Их предки прибыли сюда в день сотворения их нового мира. Они видели, как над ними зажигались звезды, как потом вспухало светом солнце, как опускались с неба на тросах деревья с огромными комьями земли на корнях, как величаво спускались с неба целые участки леса, занимая свое место. Они видели, как все вокруг затопило водой, что сначала разлилась морем, затем частью впиталась, а частью отступила

в углубления, что позднее стали руслами ручьев и речушек. Их предки видели, как пошел первый дождь, а с ним поднялся и первый ветер – и дни эти слились в ветренную мокрую и холодную неделю. Предки видели, как с неба опускались клетки, как их дверцы открывались и оттуда робко выходили или стремглав вылетали перепуганные звери. Некоторых доставляли спящими – медведей, к примеру, что долго приходили в себя, не в силах оторвать массивных голов от земли.

Но времени поглазеть не было. Они оказались среди пирамид из прикрытых парусиной деревянных крепко сколоченных ящиков. Из них, этих самых тяжелых ящиков с личным имуществом, семенным фондом, инструментами и прочим, предки сделали первые надежные укрытия для женщин и детей, защитив их от ветра и дождя. Вооружившись лопатами, изрезали облюбованную ими долину глубокими канавами, чтобы отсечь воду от укрытий. Устроили навесы. Разожгли костры. Установили котелки. И тут в дело вступили женщины. Над долиной – над их новым миром – поплыли запахи каши, чая, яичницы и жарящегося бекона. Едва требовалась сытная – впереди было очень много тяжелой работы...

Так было положено начало. Рассказы об этом передавались от поколения в поколение, и никто не мог этому помешать. А помешать пытались – элдеры с их многочисленными прихвостнями. Старейшины пытались не то чтобы искоренить саму историю их появления здесь, саму хронику трудовых подвигов, но они всячески пытались исказить былое

и выдвинуть на первое место старейшин, старательно воспевая их как гениальных предводителей народа, не менее гениальных строителей, эпичных трудяг, что носили по пять мешков песка сразу и так далее... Само собой, вот уже как сто лет, выборная прежде должность элдера стала наследоваться. Так появились роды элдеров... быстро растерявших смиренность... Но это случилось гораздо позднее. Сначала же все начиналось очень хорошо и светло...

Аммнушиты – это название народа появилось позднее.

Здесь, в Раю Обетованном, собралось несколько больших общин с зачастую отличающимися где-то верованиями. В бога вроде как одного и того же верили, но по-разному это делали, во многом не сходились касательно допустимых технологий, молитв, воспитания детей, языке общения и прочих важных вещей. Было сломано немало копий в словесных баталиях и хриплых спорах, прежде чем различия были уничтожены и разрозненные общины слились в единый дружный народ мирных хлебопашцев.

Были определены места для будущих поселений и началась стройка. Прокладывались дороги, рубились деревья, выкапывались камни, дробились валуны, быстро вырастали дома, сари, намечались огороды, а следом на бережно и умело возделанных землях появлялись первые зеленые ростки...

То были счастливые времена. Но следующие столетия оказались еще более счастливыми. Золотое время. В то вре-

меня стоило жить, если хотел чувствовать себя счастливым каждый божий день. Это был настоящий Рай. И никто не мешал им жить по святым заветам.

Разве что было четкое указание о пропорциях и правилах. Так земли аммнушитов на шестьдесят процентов должны были состоять из лесов, а еще минимум на пять из невозделанных лугов. Аммнушиты не имели права менять места истоков рек, что пробегали через их земли и выходили за стальную ограду. Не имели права пускать палы, чтобы сжечь мертвую траву. Эти жестко прописанные и навязанные сверху правила назывались Балансом. И это было постоянное напоминание о том, что за ними наблюдают – пусть издали, наверное, с тех окружающих из земли стальных грибов, но наблюдают. И потому нечего соваться к тому частоколу – затем попадать под грешный тяжелый взгляд? Ни к чему это.

Другое вмешательство железного бога? Его не было. Заключенный договор чтился свято. Аммнушиты жили тихо и к ним никто не совался – за исключением прибывающих семерых верховых грешников-чужаков, что спешно проезжали по их тропам, дорогам и поселениям, после чего, коротко переговорив с элдерами, убирались прочь. Это мелочь. И даже нужно – всегда идет на пользу молодежи, когда они видят истинных мрачных грешников, чьи души обязательно отправятся в ад. Вот они едут – вонючие, злые, ожесточенные, пропитанные тьмой, отмеченные печатью ада, воняющие смертью... так говорили о них все аммнушиты, всяче-

ски уклоняясь от прямого контакта и оставляя эту тяжелую долю многострадальным элдерам.

С этого и началась беда, как некогда заявил один из давно уж почивших трудяг-стариков.

С этих мелочей началась большая беда!

Сначала элдеры просто толковали спорные моменты, разбирали ссоры. К ним обращались, зная мудрость этих избранных всем народом стариков. А выбирали их долго. Когда умирал очередной элдер, народ того поселения, похоронив старца, размышлял порой неделями и месяцами, прежде чем избрать нового – тут ведь главное не ошибиться. Но затем избранные элдеры взяли на себя тяжесть общения с чужаками, просматривали приносимые ими бумаги, где каждый из них мог поставить две отметки – крест или галочку – никто особо не понимал этого, но знали, что это касается всего мира в целом – и не только их Рая Обетованного. От этого важность элдеров в их глазах возросла – они участвуют в судьбе мира... разве это не приближает их к богу?

Элдеров начали почитать слишком сильно. Начали почитать их чрезмерно. И это привело к тому, что происходит прямо сейчас... спустя поколения и поколения элдеры из добрых мудрых советчиков превратились в злых королей...

И, само собой, именно они начали заниматься теми из молодежи, кто достигал подросткового критического возраста, когда им, по древнейшему обычаю, сначала давалась неделя жизни со своими ровесниками в специальных зданиях, что

были на отшибе каждого поселения, а затем им предлагался выбор — остаться или уйти. Никого и никогда не держали в Раю силком. Наоборот — им с рождения втолковывали, что попасть сюда неимоверно сложно, а вот оказаться лишенным права на жизнь здесь очень легко... потому грешить нельзя! Это место для чистых и смиренных тружеников, чьи помыслы лишь о Боге, семье и пашихах. Это место для тех, чьи дни одинаковы. Чьи дни начинаются и заканчиваются одинаково на протяжении всей жизни. Чей распорядок никогда не меняется — и от этого их счастье только возрастает.

Кому нужна неопределенность? Никому! Ведь незнание того, что будет завтра, порождает волнение, а оно приводит к смятению... если же душа начинает метаться, это открывает в ней лазейку для адских шепотков, что подбивают тебя на странные мысли и дела... потому неопределенность — грех! Каждый аммушит знает, что послезавтра, через неделю или даже через год он точно так же будет мерно взмахивать мотыгой на огороде, задавать корм скоту, воспитывать детей, общаться с женой — и все в точно установленные отрезки дневного времени. Поздний вечер и ночь? В это время надо спать! За два часа до полуночи каждый должен быть в постели и мирно почивать, отдыхая до следующего утра. Коли же ты колобродишь в полночь... то самое время наградить себя парой ударов ивового прута, поплакать навзрыд, покаяться, после чего лечь в постель и задуматься о спасении души своей! Ибо светлые души ночью не колобродят! Не зря

старики вспоминают о страшном наказании, которому подвергались грешные души полуночников в старину – их одевали в позорные яркие обноски, что почти обнажали их тела, собирали в одном месте, напаявали допьяна хмельным, после чего начинала звучать невыносимо громкая музыка и всех грешников заставляли танцевать. Снова пить хмельного и снова танцевать. И так порой до утра – для самых согрешивших. Наутро же рыдали он навзрыд от боли в головушках и от стыда жгучего за то справедливое унижение, что познали они на том наказании...

Так и жили они счастливо из дня в день.

А элдеры потихоньку набирали мощь, одновременно собирая вокруг себя все больше прихлебателей. Первый тревожный звоночек случился, когда согрешившего тяжело элдера не смогли убрать с занимаемой выборной должности. Просто не смогли. Его прихлебатели не позволили. Конечно, действовали не грубой силой, а увещеваниями, отводя всех в сторону, разговаривая по одиночке, где надо прося и даже умолая.

Откуда это известно? Хроника. Каждая семья хранит в себе немало информации, передаваемой от старшим к младшим. А семьи общаются и между собой. Понятно, что очень многое искажено временем и пересказами, но как бы то ни было... история восхождения элдеров в каждой семье одинакова.

Сначала у них прибавилось обязанностей.

Затем их полномочия стали ширше и глубже.

Следом они получили право единолично судить тех аммушитов, кто совершил тот или иной проступок.

Так элдеры стали не только советчиками, но и судиями. А собрания аммушитов права судить лишились.

А потом...

– Достало – прервал я сбивчивый рассказ темноволосого парнишки – И так все ясно. Затем элдеры захватили остатки власти в свои сухонькие морщинистые ручонки и начали трахать и убивать детишек. Так?

– Так! Хотя мы говорим – волки грешников съели...

– Это как? – невольно удивился я.

– Уже века отцы находят своих решивших уйти детей гниющими в лесах – мрачно ответил Стеард – Истерзанными так жестоко, что жуть берет... Оттуда и пошла у нас поговорка. Грешных детишек волки пожирают. И...

– И?

– И ведь мы верили! Верили в то, что по границам Рая бродят лютые волки посланные железным богом! А может и не богом – а самим Сатаной посланные! Но некоторым мол все же удастся проскользнуть через стальную ограду и уйти – а там волков уже нет... там безопасная дорога ведущая в большой грешный мир...

– И вы верили в такую хрень?

– Что такое хрень?!

– Верили! А что такое «хрень»?

– Это то, что в твоей голове – буркнул я, заканчивая чистку револьвера и возвращая его в кобуру на поясе.

Кобура кожаная, открытая, в меру тугая. По дороге я потратил часы на то, чтобы научиться – или восстановить-обновить навык – единым слитным движением выхватывать револьвер, взводя попутно курок, направлять на цель и тут же стрелять. Наловчился вроде неплохо, но до идеальной скорости еще далеко.

– В моей голове ложь...

– Ты хотел верить. И верил в сказки. Но я не поверю, что все аммуштиты настолько же тупые. Нельзя быть настолько имбецилом, чтобы свято верить в бродящих по границам лютых волков-убийц и не связать исчезновение подростков с совпадающими по времени отлучкам элдера с прихлебателями! Это же главное свидетельство! Ушел похотливый старпер с загонщиками вдруг из селения по следам ушедших к свободе подростков... а через несколько дней начали находиться истерзанные тела... ну конечно сука это волки виноваты!

– В моей голове гремит ложь...

– Хлебни-ка – я втиснул в его ладонь вягу с чуть разведенным компотом самогоном.

– Что это?

– Кровь грешницы и жопная слизь святоши два к одному! – рывкнул Рэк, отвешивая парню подзатыльник – Пей, ушлепок мягкотелый!

– Угх...

– Дай! – лежащая на одеяле девушка с залитой клеем простреленной ногой требовательно протянула руку, выхватила флягу и сделала решительный глоток. Закашлялась, выпучила глаза... но тут же сделала еще глоток и протянула флягу сидящей рядом подруге – с мальчишеской фигурой и неровно, если не сказать варварски, остриженными каштановыми волосами. Пропуская сквозь пальцы окромсанные волосы, девчонка с суровым лицом мрачно глядела куда угодно, но только не мертвые тела. Сделав глоток из фляги, стриженная вернула ее напарнице по несчастью и на этот раз та хапнула еще больше явно незнакомого напитка. Зря она так.

– Так вот тут, где настоящий характер и мозги – ухмыльнулся я, хватая Стеарда за плечо и отталкивая – А ты просто хронист-марафонец...

– Кто я?

– Отвали в сторонку и помолись – велел я, поворачиваясь всем телом к девушкам – А я поговорю с настоящим лидером.

– Я хочу с вами! Биться! – набычился Стеард.

– Пошел нахрен – отмахнулся я и паренек, подхваченный лапищей орка, отлетел в сторону, шмякнувшись на тела погибших.

Подскочив, он хотел что-то сказать, но я перебил его:

– Копай могилы для своих.

– Но...

– Копай могилы, сученыш! – лязгнул я – Копай, сука! Почему ты вообще жив?! Твоих баб трахнули во все дыры! А тебя всего лишь пару раз по харе приложили и лекцию прочитали о грешной жизни?! Ты должен был умереть первым! Умереть до того, как ублюдочный старпер всунул свой вялый хрен в почти ребенка! Где ты был в тот момент?! Ладно! Если ты сейчас скажешь, что тебя оглушили и связали уже в беспамятстве – я не назову тебя жалким хренососом! Итак! Тебя оглушили? Ты был в беспамятстве?

– Я... меня... меня... нас загнали! Окружили! Они взрослые и сильные... злые... и я не знал, что они хотят сделать!

– Чего ты не знал? Вас убивают, девчонок лапают! Уверен, что они и вслух говорили немало – и кричали вслед тоже! Это племя ушлепков всегда одинаково – не могут не крикнуть вслед, что вот-вот нагонят и трахнут!

– Да... но... мы думали это какое-то испытание!

– Хера себе испытание... а когда первые болты кому-то в спину влетели? Когда первая девчонка заорала, когда с нее начали сдирать одежду и силой раздвигать ноги? Когда в нее взрослый ушлепок воткнул свой вонючий хер... Ты продолжал думать, что это такое странное испытание?

– Я... уже ни о чем не думал! Я... был испуган... не понимал... я не понимал ничего!

– И ты позволил себя связать. А ведь если бы ты сопротивлялся до конца, если бы грыз их глотки или хотя бы сапоги – может кто-то из пошедших с тобой девчат остался бы

жив, сумел бы убежать...

– Они бы сразу убили меня!

– Ага – кивнул я – Убили бы. Ладно сначала был шок, и ты позволил себя связать. Почему потом не бился в веревках как безумный, когда одну из ваших в халупе трахал дядюшка Якоб и другие?

– Я...

– Копай могилы! Закапывай тех, кого не спасли воняющие смертью и грехами чужаки! И начни с той толстосисой бедолаги!

– Ее звали Ханна...

– Да уже насрать. Копай!

– Стеард сладко говорит... но и только – тяжело выдохнула девушка – Но он не подбивал нас уйти. Это сделала я.

– Ага... имя?

– Амнушка.

– Амнушка – кивнул я, глядя как взявшийся за старую мотыгу, найденную орком у хибары, Стеард принялся копать землю под первую могилу. К пареньку подошел орк, остановил его на пару секунд и снова протянул флягу с самогоном. На этот раз плачущий парень не отказался и сделал пару огромных сладко-горьких глотков – Ты не расскажешь мне, Амнушка, куда подевались те ужасно грешные чужаки, что приезжали до нас? М?

– Каждый раз семеро.

– Ага.

– Каждый раз такие... удивительные... – добавила лежащая Амнушка, скользя по моей фигуре внимательным цепким взглядом.

Ее можно понять. На их фоне мы выглядим как пришельцы из далекого будущего. Против домотканой одежды – сверкающие кирасы и прочее снаряжение, огнестрельное оружие, шлемы с прозрачными забралами, тяжелые рюкзаки за спинами.

Это большой недогляд со стороны системы. Это большая ошибка. Нельзя пускать в пасторальное прошлое выходцев из грешного сладкого будущего. Хочешь запустить контролеров? Запускай. Но потребуй, чтобы у них были бороды, никаких призм и зверолодей, одень избранных в такую же смешную одежонку, дай исключительно живых коней и вооружи копьями и арбалетами. Вот такие чужаки не привлекут к себе всеобщего внимания неискушенных аммнушитов.

– Где эти удивительные?

– Кто умер. А кто в Запретном Саду – легко ответила Амнушка.

– О как... – хмыкнул я – Умер или в Запретном Саду... вот тут давай поподробней, боевая девчонка.

– Я расскажу все. А ты дашь мне ту гремющую штуку и покажешь, как ей правильно пользоваться.

– Зачем?

– Ради этого я возглаголю с тобой, грешник. Я юная, но спелая!

– И тупая – дополнил я, скривившись – Не переоценивай себя. Зачем тебе дробовик?

– Я из другого поселения. И в путь сюда – тех, кто решил выбрать свободу грешную – провожал наш элдер дядюшка Дутч. Он очень стар. Очень добр и мудр. И он не мог не знать куда нас посылает...

– Не мог – согласился я – Они должны быть повязаны – все элдеры Рая. Он сознательно отправлял вас на изнасилование и смерть.

– Дашь дро-бо-вик?

– Рассказывай про Запретный Сад. А за своего элдера можешь не волноваться – нам все равно надо навестить гребаного дедушку. Ведь он сука еще не проголосовал... грешник...

– Грешник – повторила Амнушка и переглянулась с молчаливой трясущейся подругой – Грешник элдер... сука элдер! Сука элдер! Я правильно говорю?

– Правильно. Давай про Сад. А то отправлю тебя копать могилы...

– Сад... Великий Запретный Сад...

Самогон чуть искажил слова, но растормозил мозги и развязал язык. Слова полились полноводной рекой.

Запретный Сад – это название никак не связано с чем-то плохим или грешным. Наоборот – чаще всего этот сад называли Райским или же Чистым. По очень простой причине – его посадили в незапамятные времена еще предки аммнуши-

тов, выбрав для его местоположение центральный и самый плодородный участок. В центре сада высились голые скалы – им тоже нашлось применение. Весь сад обнесли каменной оградой – ее строили в свободное время все сообща, дробя валуны, роя землю в поисках камней, меся хитрый глиняный раствор и лепя глиняные кирпичи с добавлением соломы и пепла. В общем, на ограду пошел весь найденный материал, а сама ограда получилось ну очень немаленькой – сад был огромен. В ограде имелось несколько почти всегда заботливо прикрытых деревянных ворот. За ограду вбегали несколько полноводных ручьев. Сад был открыт ветрам и солнцу.

Давным-давно мудрые предки, живущие опытом прошлых поколений, рассудили, что однажды может случиться мор среди растений. Они называли ее боязливо «белой гнилью», «черной слизию», «гниющим корнем» и давали еще немало названий. Саму по себе хворь победить можно – если только она не распространилась по всем землям и поселениям. Поэтому и был создан Запретный Сад, что содержал в себе и изобилии все имевшиеся у них плодовые, ягодные и посевные культуры. Каждый год по весне в саду высаживались десятки новых саженцев, обрабатывались собственные поля, обрезались кустарники, сколачивались новые ульи, рассаживались цветы... в общем, проводились массовые посадки. В течении лета и осенью собирались плоды трудов. Часть отдавались в «малый мир» – как жители Сада называли земли амнушитов. Часть поедали сами. А часть – лучшую, са-

мую здоровую и крупную – особым образом обрабатывали и убирали на долгое хранение в специальное хранилище, что и было расположено в сердце сада, под теми голыми неприветливыми скалами. Там, в сухости, темноте и прохладе, хранились бережно посевные культуры народа аммнушитов. Отныне им не страшен любой растительный мор, любая растительная болезнь будет побеждена. Придется – уничтожат все больные растения и деревья, вывезут больную почву подальше, а затем на опустевшие сиротливые места посадят новые культуры полученные из Запретного Сада. И эта практика оправдала себя как минимум трижды – после крупных вспышек болезней среди растений.

Откуда взяться болезни?

Так... зверье на лапах принесет или птицы какие забеглые на перьях притащат... или чужаки на сапогах грешных принесут – если не станут как следует омыwać тела свои в Серебряном кольцевом ручье, что проложен таким образом, что нигде более не пересекается с другими входящими в Рай ручьями и реками, проходя под ними сквозь трубы каменные. Но из того ручья может напиться зверь, а может и искупаться, после чего затащит заразу в лес и дальше... короче – чужаки во всех бедах виноваты. Хотя бы два раза за последние пять лет так точно – именно после визита очередной Семерки случилась вспышка белой гнили. А как-то раз чужаки прибыли уже чем-то болеющие и после этого подошло немало свиней, но не один из аммнушитов не заразился. Это

вызвало бурную реакцию смиренного народа – праведников мол свинские болезни не затронут.

В любом случае Запретный Сад спасал во всем касательно растений и семян. А еще в Саду были пруды полные здоровой крупной рыбы, имелись птичники. Но не более того – никакого другого зверья в Саду не держали. Ах да – еще были козы. Их вроде как использовали для очистки от мертвой травы на лугах и меж старых деревьев. Ведь коза не зря с глазами столь грешными страшными на свет уродилась – жадная она, жрет все подряд не разбирая, где хорошее, а где плохое. Но на этом все. Разные птицы и рыбы. И козы.

В Саду трудились старые, немощные и покалеченные. Конечно, уходили туда только по собственному желанию. Если не желаешь – то дети и внуки всегда о тебе позаботятся. А ты сколь сможешь сделать полезного – столько и сможешь, никто слова плохого не скажет, если за весь день старик одну ложку деревянную вырежет или всего пару веников сплетет. Их дело седое да покойное. Мирный и долгий закат в окружении любящих родственников.

Но многие предпочитали уйти в Сад.

Почему «уйти»? Потому что назад пути нет. Давно так постановили. И кто-то придумал тех, кто в Запретный Сад ушел и там жить да трудиться стал, называть друидами. Шутника того потом долго искали старшие, но не нашли и накрепко наказали подобных срамных слов не использовать. Не друиды они. А такие же аммнушиты, как и все, но чуть

более святы – потому как даже свой светлый жизненный закат решили связать с трудом на благо всей общины. Этим путь в рай открыт гарантировано.

Почему возврата нет из Сада?

А потому как на то он и Запретный Сад. Ведь человек каков? Человек непоседлив, суется куда не надо, трогает что не велено, ковыряет что не попадя, трется, топчется, пробует на вкус, вдыхает, пыль всякую на себя сотрясает... а потом тащит всю заразу к своему дому. Так зараза и расползается – от тех, кто особенно часто любит бродить, гостевать в разных местах и вообще...

Да, можно купаться тщательно, опять же никто не застрахован, что крохотная мышка полевка не наведается в сад и не занесет заразу. Но... береженого как известно бог бережет. Вокруг Сада широкая полоса очищенной от крупных растений земли, трава регулярно скашивается, крупное зверье останавливается на подходах добровольными патрулями от каждой общины, мелкое зверье по возможности тоже. Ну и молятся все, чтобы с водой в Сад не попало что...

Но пока бог миловал, а Запретный Сад уже не раз и не два спасал народ аммушитов от великих бед.

Друиды... то есть садовники божьи... трудятся непрестанно, появляются у ворот Сада регулярно, издали общаясь и обмениваясь новостями хорошими и плохими, такие же получая взамен. Свое и кладбище у них – прямо там в Саду.

Ясно... хрен с ним... чужаки тут причем?

А согрешили они тяжко. Настолько тяжко, что даже смиренные аммнушиты смириться... не смогли. Первая из невыпущенных отсюда семерок устроила пьяный погром, налавшись привезенного с собой адского пойла, сожрав какие-то крохотные штучки, некоторые еще и носом что-то вдыхали, в глаза закапывали, под язык клали и разве что задницами на чем-нибудь смазанный кол не садились. Головы им снесло напрочь. Уважения к аммнушитам не было изначально. Зато с потерей головы появилась нескрываемая похоть. Потянулись к девкам. Когда за них вступились с мирными словами их мужья и отцы... были они жестоко искалечены. Обезбашенные чужаки вдруг решили отрубить им руки. И отрубили, одновременно крича, что так и быть, остальное рубить не станут, чтобы тупые придурки-аммнушиты могли на своих двоих добрести до ближайшего медпункта, где им какая-то Мать пришьет новые.

Кто может пришить руки и ноги?

Раз потерял – все, навеки. Либо мастера крюк на место утерянной руки, либо клещи. А к ноге прилаживай выструганный деревянный чурбачок. Так и живи дале.

В тот страшный день руки потеряли девятнадцать аммнушитов. Еще двое были убиты. Итого двадцать один. Когда же обпившиеся и нажравшиеся страшной дури чужаки отрубились, спешно собравшиеся элдеры решили – этого так спускать нельзя. Бог не простит, коли отпустят они посланников дьявола. Убивать тоже, конечно, не след. Так пусть отраба-

тывают своих грехи тяжкие в Саду Запретном. Всех чужаков заковали в кандалы, каждому, пока они спали, подрезали подколенные сухожилия. Лишили их богомерзких вещей. Заковали негодяев в кандалы. И отправили в Запретный Сад, где их уже встретили предупрежденные мрачные друиды... то есть садовники...

Следующая Семерка ушла по тому же пути – в Сад. Их уже напоили сразу же, гостеприимно предложив особого сидра с добавлением таких трав, что сначала успокаивают, лишают тревоги и ясности ума и только затем убаюкивают. Они заснули в гостевом «грешном» доме первого поселения, а проснулись уже в Запретном Саду. Дальше процесс пошел по накатанной и, что удивительно, садовники Сада вошли во вкус, прямым текстом заявив, что еще для четырнадцати грешников места хватит!

Сведения эти не скрывались, широко расплзшись по всем землям амнушитов. Каждому было наказано на общем собрании – встретить вас вдруг кто чужой, про события недавние с чужаками связанные, чтобы ни словечка не проронили! Ни единого! Все что не делается – все на благо народа! Пусть плодоносит сад! А плененным чужакам сия доля лишь на пользу – от грехов хоть отчасти отмоются. Переживать же не стоит – что для грешников двадцать потерянных темных душ? Ничто. Никто особо переживать о них не станет. Никто и искать их особо не станет. А вы – молчок. И ведите чужаков к старшим – те уж знают, что предложить

охочим до хмеля и разврата гостям...

Выслушав последнюю часть рассказа уже хмельной девчонки, я рассмеялся и покачал головой.

Тупые деревенские...

Поймав недоуменный взгляд девчонок и переставшего копать Стеарда, я сплюнул на чей-то труп и пояснил причину своего веселья.

Никто особо не станет переживать из-за пропавших грешников?

Ну нет. Это важное задание системы и абы кого сюда не пускают. Единичный случай с общей попойкой и последующей бойней это только доказывает. До этого ведь все в норме было. Если кому из деревенских в рожу бородатую били порой... это мелочи. Короче – сюда не наркоманы и алкаши прибывали, а серьезные гоблины, причем гоблины посланные не менее серьезным героем. Таким героем, который за любой промах спросит жестко и дешевых оправдания типа «да самогон паленый попался и кукушку вдруг всем разом отключил...» слушать не станет. Он бошки резать начнет за подставку. Но и за своих бойцов он тоже спросить не забудет.

Это норма. Это правило. Это обязанность.

Я себя праведником не считаю, но, если у меня пропадет семь бойцов разом – я докопаюсь до сути и узнаю, что с ними случилось. Голову положу – но узнаю. Потому что это мои бойцы. Я несу за них ответ. Дальше уже буду разбираться. Если натворили что дерьмовое и их реально за дело покро-

шили наглухо – ну... не знаю, там уже решение всплывет. А если их просто так – как вторую семерку и последующие – напоили, подрезали сухожилия и, по сути, обратили в рабство ни за что... я тут же вооружусь серпом и начну каждому второму аммнушиту резать глотку, а каждому третьему яйца. Садовников сраных выкорчую под корень.

На моем месте так поступит почти каждый.

Вывод? Аммнушитов спасает не грешная безразличность, а системная жесткая защита, что не позволяет никому сюда организовывать поисковые отряды. Так бы – давно души повытрясали из здешних и бородатые овечки живо бы показали, где сейчас на коленках ползают их бывшие камрады...

Прервав пьяного подростка, я поднялся и крикнул темно-волосому трусу:

– Хватит херней страдать. Поднимай трупы друзей и грузи на лошадей охотников. Рэк. Помогите трусу.

– Я не трус! – даже не спросив какого хрена он зря упражнялся с мотыгой, паренек отбросил инструмент и зло сверкнул глазами – Мы воспитаны так – жить мирно, не отвечать ударом на удар, принимать судьбу смиренно!

– Да ладно?

– Так и есть!

– Тогда какого ж хрена ты уже беспомощного дядюшку Якоба топориком крупно напластал, пацифист? – осведомился я.

– Э...

– Э – кивнул я, растягивая мышцы и морщась – часы в седле сделали свое черное дело, превратив бедренные мышцы в шматы боли. А ведь я просто сидел в седле железного коня, особо даже не стискивая его бока ногами... и скачек безумных не было и в помине... – Вяжи трупы друзей и приторачивай к седлам! Грузи друганов в повозку. Загляни каждому в глаза и прикрой их заодно – и глядя, помни, что в их смерти есть и твоя вина.

– Зачем вы мне это говорите?!

– А ты подумай – зло ухмыльнулся я и повернулся к девчонкам – А вы чего на него так вроде как уже даже обиженно смотрите? Это и вас касается! Свою жизнь надо продавать дорого! Биться за каждый вздох, за каждую секунду! Если не хотите – так оставайтесь в своем мирном затхлом болотце, тихо живите, плодите детишек, старейте, уходите садовничать! И не рвитесь в большой мир!

– Ты очень злой – заметила Амнушка.

– Поднимай раненую сраку и громозди на коня. Знаешь что про это Гавань?

– Да.

– Кто там главный после Якоба, кто был в курсе происходящего...

– Да.

– Поедешь рядом. И будешь рассказывать.

– Вы не тронете мирных и честных, славных и добрых?

– Тебе самогоном голову ушибло?

– Да... но вы не тронете?

– Мне неинтересны мирные и добрые – усмехнулся я, берясь за поводья неживой животины – И мне насрать на честных и славных. А вот про других расскажи, как можно по-дробней... Бойцы! Живее! И на коней! Мы отправляемся в славное и честное поселение Гавань! Улыбайтесь ширше...

– Будем убивать? – с надеждой спросил орк.

– Не сразу – ощерился я, глядя на мотающую головой помершую «толстосисую» – Не сразу. Посмотрим – вдруг нам предложат сидра...

– Который с наркотой травяной?

– Ага...

– То есть мы вроде как даже и не в курсах... это я для тупого Хвана уточняю.

– Ага.

– Понял. Вразумлю остальных, чтобы улыбались. А трупы?

– Не пыли, орк. Все по ходу дела.

– Понял. Кстати – Хван вылупляться начал. Часик другой – и вылезет гнида страшная...

– Одна хорошая новость за другой – кивнул я, поднимаясь в седло – Пусть поторопит свою костяную жопу.

– Так и передам...

Глава четвертая

Гавань встретила нас... оторопело.

Шесть мрачных всадников вынырнули из леса полностью неожиданно для веселящихся на пасторальном зеленом лужку. Аммушиты играли в мяч. Веселые добрые возгласы наполняли уши наблюдающих умиротворением – вот она истинная жизненная благодать. Поля колосятся, дети веселятся. Взрослые умильно улыбаются. И при этом добрая половина из них знает, что прямо сейчас, где-то там за деревьями, в укромном темном лесном уголку, насилуют и убивают точно таких же подростков.

Не удивлюсь, если эта громкая публичная забава была устроена с единственной целью – отвлечь внимание общественности от тех, кто ушел ради иной судьбы и от тех, кто пошел за строптивыми.

Недалеко от того поля, что прилегала к поселению, которое я не собирался пока разглядывать, начиналась мощенная камнем дорога – тут вполне могут разехаться две встречные повозки. Когда мой стальной конь ударил копытом по первому камню, тот даже не шелохнулся, ответив чуть злобным звоном.

Качественно поработали над дорогами... да и насрать. Меня интересовали живые.

И вот они уже бегут странным аллюром, выставив вперед

плечо и вытянув руку. Так боязливые гоблины приближаются, когда боятся, что им могут врезать прямо по харе – поэтому и прикрываются заранее, открывая тем самым яйца.

– Хех-хех... – именно это сказал подбежавший первым аммнушит, поспешно утирая харю жилеткой.

– Это твое приветствие, гоблин? – зевнул я, с высоты седла оглядывая замершую на поле толпу, катящийся куда-то позабытый мяч, замершую с корзиной белья бабу у ближайшей к нам постройке.

– Добро пожаловать! – очнулся аммнушит, сумевший отдышаться – Вы семеро!

Тут его глаза поочередно пробежались по нашим шести фигурам, чуть задержались на лошади без всадника, груженной сумками и секунд на десять прикипели к лежащему на камнях дороги кокону Хвана прикрытому пыльными тряпками.

– Семеро контролеров – дополнил аммнушит – Мы рады вам гости иноземные! Благодарим, что решили проведать нас! Благодарим что обеспокоились о нас! И еще раз добро пожаловать в наши тихие мирные земли! Позвольте проводить вас к гостевым домам! А женщины тут же начнут готовить славную сытную трапезу...

Он явно повторял чужие слова. Заученные многократно. Не удивлюсь, если именно этими вот сладкими и явно непривычными для извращенцев-святош словечками поприветствовали предыдущую Семерку перед тем, как напоить

их отравленными сидром. Но этот аммнушит, хоть и старался как послушный ученик – из тех, что всегда в любимчиках у учителя, но которых всегда макают головами в унитазы на переменах – хоть он и затвердил речь, актер из него хреновый. Но этого бы вполне хватило для обычных усталых «внешников», что прибыли сюда больше отдохнуть, чем воевать, усыпленные информацией о племени просветленных пацифистов.

– Ты элдер? – улыбнулся я, подаваясь вперед.

Оставшись на месте, мужик чуть не переломился в пояснице, отогнувшись назад, и замотал башкой:

– Нет-нет! Наши старшие... и... и многие из достопочти-мых... отбыли по срочному важному делу. Но скоро они вернутся! А я лишь назначен благословением элдера приглядеть в его отсутствие за нашим поселением...

– Их нет... – разочарованно подытожил я – Проклятье...

– Они скоро придут! Я знаю, что элдеру надо взглянуть на важные бумаги, прежде чем вы сможете продолжить свой путь дальше... Следуйте за мной, дорогие гости! Я покажу достаточно уютные покои, где вы сможете омыть натруженные тела и...

– Бумаги? Да срал я на бумаги. Элдер ведь тут у вас вроде как законника? Судья?

– В-верно...

– Вот мы и хотели предъявить ему кое-каких ублюдков. И потребовать награды – ведь мы, всюю напрягая натружен-

ные булки, остановили преступление не где-то там, а здесь – в вашем гребаном Раю. Мы помогли вам. И разве с вас овечек сырых не причитается теперь?

– Преступление у нас? – впервые на его губах появилась искренняя широченная улыбка.

Аммнушит, позабыв про неуверенность и страх, а также, наверное, про скромность и благочестие, открыто веселился.

– Мы в Раю... тут нет подобных грешников! Никто не украдет! Никто...

– Не изнасилует и не убьет? – улыбнулся я в его же манере и кивнул Рэку после чего резко повысил громкость голоса, одновременно меняя его, превращая в хриплый грозный рык – Странно мать вашу! Странно! А мы тут едем не спеша, красотами райскими любуемся и вдруг смотрим – в кустах шевелится. Заглядываем – а там голожопые насильники подростков трахают, пытаются, убивают, да еще – вот ведь сука умельцы! – назидательные проповеди им читают!

– А... а... – он уже все понял, но еще не понял, что уже все понял.

Что-то в его аккуратно подстриженной башке не срасталось. Это же происходило с еще несколькими подошедшими поближе зрелыми и в возрасте мужиками. Они доперли. Они поняли, кого мы там видели, но все еще отказывались верить в такую подляну...

– Ну само собой мы порезали этих ублюдков на куски – моя добрая улыбка заставила главного среди аммнушитов

отступить на пару шагов и снова прикрыться руками – Мы их жестоко пытали – предельно жестоко! – а затем медленно перерезали их хрипящие глотки. Головы ублюдков мы доставили сюда – на суд мудрого доброго элдера, что, несомненно, осудит подобные преступления.

Рэк дернул за веревку на горловине мешка и на дорогу посыпались отрубленные головы. Котлета повторила фокус и добавила новых мячей в веселую детскую игру. Да еще и ласково улыбнулась замершей на краю зеленого поля девке, к чьим ногам подкатилась одна из голов:

– Сюда обратно не пихнешь?

Согнувшись, девка оросила все перед собой фонтаном рвоты, на миг породив радугу – на которую сама заморожено и уставилась.

Еще пару голов орк намеренно пустил по дороге так, чтобы они подкатились поближе к мужикам. Почти уткнувшись в сапог старшего, голова дядюшки Якоба, дохлого элдера, задрала мертвое лицо к облакам и радостно оскалилась, сжимая в зубах собственный член. Идея украсить подарки пришла в мой светлый разум, а выполнять ее пришлось Стейку и Котлете, для чего они ненадолго вернулись на место бойни.

– А-а-а-а... – прохрипел аммнушит.

Сделав шаг назад, он запнулся, хлопнулся на жопу и пополз, скребя сапогами по дороге и не отрывая взгляда от отрезанных голов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.